

18+

ШЕРМАН ГАДЭС

Древо

Шерман Гадэс

Древо

«Издательские решения»

Гадэс Ш.

Древо / Ш. Гадэс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961984-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. История человека, чей жизненный путь омрачен тяжелым недугом, представляет собой разрозненные картинки, то и дело всплывающие в болезненном сознании, затуманенном образами и мистическими видениями. Граф Радиш, вынужденный продлевать себе жизнь за счет странных поступков, втягивается в круговорот бушующих человеческих страстей, из которого существует лишь один выход...

ISBN 978-5-44-961984-6

© Гадэс Ш.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Истоки	6
Глава 2. Валахия	16
Глава 3. Пешт	24
Глава 4. Вена	30
Глава 5. Поединок	37
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Древо

Шерман Гадэс

© Шерман Гадэс, 2020

ISBN 978-5-4496-1984-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Истоки

Я родился где-то недалеко от этих мест – так во всяком случае мне думается. Подтвердить или опровергнуть догадки, видимо, не получится уже никогда... Те люди, которых я на протяжении всего детства привык называть своими родителями, оказались простыми крестьянами с берегов Рейна, честными, трудолюбивыми, великодушными. Они заботились обо мне со всей теплотой и лаской, на кои были способны их добрые сердца.

Мой отец, точнее – отчим, господин Ханс, работал сапожником в Воллендорфе и происходил из старого рода ремесленников Эверсбахов. Вам, должно быть, известна эта фамилия. В семье его родителей после самого Ханса на свет появились еще три очаровательные малышки – одна из них вышла за некоего дальнего родственника, тоже Эверсбаха, и сохранила фамилию для тех нынешних потомков, что и по сей день процветают в Нойвиде.

Мой отчим, равно как и все представители его сословия, отличался крайним упрямством, набожностью, но при этом – и новизной взглядов для тогдашней затхлой провинции. Он верил в то, что все окружающие разрозненные земли когда-нибудь обязательно объединятся в могущественную империю, и ее народ заживет так хорошо и спокойно, как никогда прежде. Ханс даже не мог предположить, что спустя годы Железный Канцлер осуществит его грандиозный замысел. А пока что Эверсбах сидел в своей мастерской, стучал молотком и говорил о силе ближайшего соседа, претендовавшего в то время на роль национального спасителя. Я слушал его пространственные речи, нахмутив бледный лоб, и засыпал, не понимая ни слова.

Моя дорогая мачеха, Агнет Штефанус, не могла похвастаться наследственной профессией своего относительно молодого рода. У нее имелся брат, «дядя Йозеф», не сумевший удержать в руках мельницу в Бендорфе – единственное имущество, доставшееся от отца и матери, и оттого нерадивый отпрыск решил закончить свои дни в таверне. Он появлялся у нас в доме каждую неделю мертвецки пьяным и требовал денег или вещей на продажу, чтобы снова и снова залить мучившую его головную боль и сознание обреченности. На Йозефа было страшно смотреть, до того он изменился перед тем, как не выдержало его страдающее сердце. В то время я обещал себе никогда не притрагиваться к выпивке, раз эта пагуба скрывает столь ужасные последствия.

Наконец, пришло время, и дядю обнаружили бездыханным на пороге какого-то кабака с пустыми бутылками в руках. Агнет была убита горем, потому что брат один вырастил ее после кончины родителей и заменил ей всех близких. Но уже на следующий день она возвратилась к бесконечным горам белья – Frau Эверсбах зарабатывала на хлеб стиркой чужих тряпок. Помимо основного занятия мои опекуны вели хозяйство, продавали молоко, отчим латал соседские дома и ходил в другие деревни, где за мелкую плату выполнял разные поручения – что-то починить, что-то принести...

Вопреки трудолюбию мы жили бедно. Ели мало и когда придется. Почти не меняли одежду. Ремонтируя обувь другим, сам Ханс ходил в оборванных башмаках. Вести дела было очень тяжело, но радость никогда не покидала наш очаг, потому что хозяин и его супруга совершенно не умели унывать. Поразительно: ведь крестьяне так привыкают к невзгодам, что не замечают, в каких условиях им приходится существовать. Мимо проносятся революции, открываются фабрики и заводы, а они продолжают тянуть свой век по старому укладу и вряд ли

действительно стремятся что-либо изменить. Кусок хлеба да хороший сон – вот предел мечтаний нашей семьи в те трудные годы.

Точно так же обстоятельства складывались и в Лёйтесдорфе, где я жил до восьми лет. Закономерно, что я почти ничего не знал о событиях, разворачивавшихся в соседних землях, не имел никакого представления о науках и искусстве, мои же грамматические успехи простирались всего на несколько букв алфавита. Но, сколько себя помню, будучи ребенком я всегда что-то мастерил, неизменно околачивался возле пекарни, мельницы и иных производственных построек, жадно слушал рассказы заезжих путешественников, а самое главное – учил наизусть, разумеется, на слух, проповеди и фрагменты разных священных текстов, которые нередко звучали из уст местного пастора, а также некоего отца Гектора, который иногда навещался сюда из Майнца. Он всегда проявлял ко мне особую заботу – отвечивал подзатыльники и подолгу беседовал с моими родителями. Случайно подслушав их разговор, я понял, что Ханс дает священнику отчет о моих привычках, привязанностях, состоянии здоровья и уровне образования. Всякий раз он в подробностях излагал мою биографию и получал за это немного денег. Я не понимал, почему, а догадаться не мог.

Ранней весной того же года произошло одно важное событие. Оно навсегда изменило мою жизнь. Тот вечер я и теперь воспроизвожу в мельчайших подробностях, хотя прошло столько лет...

Я стоял у калитки нашего дома и громко звал Отто – нашего приبلудившегося пса. Он жил в Лёйтесдорфе уже довольно давно и сновал мимо изгородей, попрошайничая какой-нибудь завалившейся косточки, но нигде не задерживался надолго. Иногда он исчезал на пару месяцев, потом возвращался весь грязный и даже израненный, и мы всей деревней ухаживали за ним. Но ночевать Отто неизменно старался на дворе Эверсбахов. С этим псом у нас сложилась какая-то особая симпатия друг к другу, потому что остальных людей подпускать к себе он не торопился – за редким исключением, когда один раз ему накладывали швы. Ко мне же непутевая дворняга приближалась без боязни или злобы и даже разрешала с собой играть. Однако в тот памятный вечер Отто не появился у порога нашего дома.

Я забеспокоился. Причем настолько сильно, что не смог усидеть в комнате, хотя меня отправили спать, и выскочил на улицу. Стояла непроглядная тьма, и ветер с реки еще казался таким холодным, но бояться мне было нечего: рядом любящая мама, сильный отец, и соседи готовы постоять за меня, если что. Я звал Отто во весь голос, но ледяные порывы, что задували мне прямо в лицо, относили звук в обратную сторону. Стало понятно, что меня никто не слышит. Я почти охрип, но пса так и не дождался. Внутреннее волнение переросло в лихорадку, меня начало колотить, и я поскорее направился к теплему дому. Но что-то вдруг заставило остановиться. Какая-то невообразимая сила сдавила мне грудь, и я больше не мог дышать... Повернув голову в сторону дороги, ведущий к замку Дункельбург, возвышающемуся на холме недалеко от нас, я увидел то, что невозможно передать словами.

В порывах ветра и тускло белеющей поземки выпавшего накануне снега прямо напротив меня в пяти-шести шагах возник огромный черный экипаж, который словно вырос из-под земли. Ровно секунду назад, могу поклясться, его там не было! А рядом с ним беспокойно взрывали землю четыре запряженные лошади, все смоляного окраса. Из их ноздрей струями выходил горячий пар, а глаза искрились кровавым свечением и в упор смотрели на меня. Жуткие создания, выпрыгнувшие из самых недр подземного царства... Их гривы развевались подобно

клубкам змей в период осенних свадеб, которые направляли в мою сторону слепые морды, готовые ужалить дитя в любой момент.

Я пребывал в предобморочном состоянии. Руки и ноги холодели, по лбу градом катился пот, язык намертво прилип к гортани. Такого дикого ужаса я еще не испытывал. А тем временем от странного экипажа отделилась черная тень и спрыгнула на дорогу. По всей видимости, это был извозчик, одетый во все черное; широкая шляпа и высоченный воротник скрывали его лицо, и я почему-то искренне верил, что передо мной не живое существо, не человек. Тонкая и незаметная, тень открыла дверцу и кивнула тому Некому, кто должен был сейчас появиться перед моими обезумевшими от страха глазами.

Из экипажа медленно вышел длинный, худой господин. Он показался мне совершенно исполинского роста, почти неразличимым в темноте и с жуткими, чрезвычайно холодными, бледно-застывшими глазами, – совсем не такими, как у вороной четверки. От него веяло могильной сыростью (я вспомнил статуи на кладбище) и безразмерной дикостью древних языческих лесов – не знаю, как это можно объяснить. Почти сразу же я провалился во тьму. Ничего не помню.

На следующее утро я очнулся у себя в кровати, закутанный в одеяло и пропахший настоями из трав и ягод.

– Слава Господу, он пришел в себя! – услышал я голос Агнет, своей мачехи, у себя над ухом.

Она обняла меня – крепко и нежно, как и всегда.

– Ты так напугал нас, негодник! Негг доктор думал, что тебе уже конец!

– Это надо, ночью выйти на такую стужу и вздумать там спать! – раздосадованно покачал головой отчим Ханс, – Ты совершенно безответственный.

– Думаю, так случилось из-за Отто. Я всегда предупреждал, что этот драный пес до добра не доведет. Столько лет он прибегает к нам сюда, но мы до сих пор не знаем, откуда он и кто его истинный хозяин, – со строгой интонацией произнес господин Хайнцит, единственный лекарь на всю округу, ворчливый, но неплохой человек, прекрасно знавший свое дело.

– А я скажу, кто его хозяин. Это сам дьявол рогатый! – заругался отчим, – И угораздило ради такой жалкой псины рисковать жизнью? Ты же мог закоченеть там, малыш! Что бы мы тогда делали с твоей бедной матерью?

– Отец прав, сынок, – кивнула Агнет.

– Признайся честно, ведь правда? Ты выходил ночью, чтобы поискать этого проклятого Отто?

– Он мой друг! – закричал я, сам удивившись такой реакции на вопрос отчима.

– Спокойно, спокойно, – вмешался Хайнцит, заметив, как удивились родители моему неожиданному крику, – Ваш ребенок перенес событие, которое сильно напугало его, ведь он ушел один, такой темной ночью, сильно замерз, и, думается мне, видел плохие сны от жуткого завывания ветра. Если он немного покапризничает – это нормально. Но ты ведь хороший мальчик, да?

– Конечно, хороший, – подтвердила женщина, погладив мои волосы, – Любит баловаться, как и все мальчишки, да и поругаться мастак, Ханс же все-таки сапожник, сами понимаете. Мы люди простые, на язык скоры. Но у него доброе сердце, он и мухи не обидит!

– Вот видишь, дружок! Раз ты такой молодец, то расскажи своим дорогим родителям, а за одно и старому доктору, почему ты оказался один ночью у калитки вашего замечательного дома, м?

По мере того, как в моем сознании стали всплывать обрывки пережитого, меня начало лихорадить, что в конечном итоге переросло в истерику. Я был не в состоянии остановиться и только через полчаса перестал выть и плакать. Когда я, наконец, пришел в себя, то честно, но с трудом объяснил, что же произошло.

Доктор Хайнцит внимательно выслушал мой рассказ, подумал немного и, словно общаясь с сумасшедшим, вкрадчиво заметил: на дороге возле изгороди никаких следов от колес экипажа не обнаружено; к тому же ни один из соседей не слышал стука копыт злосчастных черных лошадей, и, как обычно бывает в случае приезда незнакомцев, никто не спрашивался в нашей деревне о местонахождении дома Эверсбахов. Доказательств реальности моей ночной встречи со страшными фигурами не существовало.

Ханса и Агнет врач предупредил, что мне нужен отдых, и рекомендовал ничем меня не расстраивать, иначе я могу тронуться умом – это я услышал, осторожно подобравшись к двери, за которой шепотом беседовали взрослые. «Ведите себя так, будто мальчику привиделся страшный сон, вот и все. Это пройдет. У детей короткая память.» Перед уходом, Хайнцит прописал мне настойки и постельный режим, а родители соглашались со всем, что только ни выходило из его уст.

– Слушай, как думаешь... – проводив врача, негромко заметил Ханс, – может, пришло время сказать ему?

– Что ты! Только не сейчас! – испуганно шепнула женщина.

– Рано или поздно, ты ведь знаешь, граф вернется. Сколько еще скрывать все, Агнет?

– Мы говорили ему...

– Мы говорили сто лет назад. Он очень привязался к нам, но мы ему неровня, не забывай. Агнет долго и тихо плакала. Я услышал ее всхлипы и тоже начал вытирать слезы.

Но день прошел, прошла неделя, а за ней и месяц. Довольно быстро я излечился от нервозности и страхов и снова стал обычным ребенком, поскольку жуткие события той памятной ночи медленно, но верно забивались на самое дно моего любознательного «я». Мы жили и трудились, помогая друг другу, и добрые милые Эверсбахи окружали меня своим вниманием; я радовался каждому теплему дню весны и дрался с мальчишками за право первым выпить воды из колодца, пока однажды, уже на исходе цветущей поры, когда луна светила едва ли не ярче солнца, поздним вечером Высокий-человек-в-черном (таким прозвищем я окрестил необъяснимого гостя из экипажа) не появился вновь.

Я лежал на своей жесткой кровати ничем не накрытый и все равно умирал от духоты. Сон не мог одолеть меня целый час, и я поднялся, чтобы распахнуть окно. Обычно на ночь в комнате ставни всегда запирали, боясь, что в этой глухой местности могут объявиться дикие звери (которых, впрочем, вблизи жилищ не видели даже старики) и покусать детей – такие уж здесь с давних пор водились поверья. Не смотря на запрет, я с силой дернул створку и, вдохнув прохладный воздух, побежал обратно в постель. Легкий ветерок наполнил комнату дремотой, и мои глаза стали медленно закрываться. Я почти уже уснул, повернувшись на правый бок, как вдруг подскочил на месте – в глубине комнаты, у двери стоял огромного роста уже виденный мною человек в черном костюме. Он сделал шаг и попал под прямой лунный свет, в котором его неестественное лицо приобрело мраморный оттенок надгробных плит, а глаза стали желтокошачьими. Он пристально глядел на меня так, словно на живую решил вытянуть костлявой рукой в черной перчатке мое трепыхающееся сердце. Еще с минуту я не мог пошевелиться, находясь в оцепенении, а после заорал, как сумасшедший.

На этот раз я не упал в обморок и все прекрасно запомнил. Черный незнакомец махнул мантией размером с комнату, чтобы я не смог увидеть, куда он делся, и мгновенно исчез, но я понял, что он фантастически ловко выскочил в раскрытое окно. Еще через минуту я услышал шум; открылась дверь, и родители со свечой в руках оказались у меня в изголовье.

Я знал: сейчас они скажут, что всё в порядке, что мне снова привиделся сон. Надо выпить лекарство и пригласить доктора. Да, малыш помешался, наслушавшись всяких басен. Какие-либо попытки отыскать следы этого человека ни к чему не приведут. Ханс и Агнет спроводят меня к священнику. Но все гораздо серьезнее, дорогие мои родители. Все предельно серьезно. С той ночи я больше не смогу нормально спать. Вы ничего не знаете. Нет, совсем ничего.

Решительно взяв меня за руку, Ханс отер вспотевший лоб. Он был одет, как днем, я не сразу заметил его пыльный жилет.

– Ты его снова видел, да? – спросил он, переводя дыхание. – Нет, Агнет, молчи! Хватит уже с меня!

Мужчина отдалил ее рукой от постели.

– Я говорил, малыш... Мы только временно с тобой, понимаешь? У тебя другой отец. Я лишь забочусь о тебе, но хозяин он. И как скажет, так и будет. Скоро ты станешь очень умным и грамотным.

– Граф – богатый человек, сынок, – тихо отозвалась мать, вытирая глаза. – Ты не можешь всегда жить в такой нищете.

– Мужайся. Не надо хныкать, – кивнул Ханс, тряся меня за плечи. – В тебе его кровь. Я мало знаю... Кто мы такие, чтоб ставить нас в известность? Но то, что ты будущий владелец Дункельбурга, готов клясться головой.

Я не мог постичь всей важности нашего разговора. Эти люди были для меня родными. Каждый раз, как на землю надвигалась ночь, начинались мои новые мучения. Я до смерти боялся темноты, мне мерещились разные жуткие твари, постоянно болела голова, а во сне являлось прежнее демоническое наваждение. Справиться со своими кошмарами у меня не получалось. Врач Хайцит выписал целую гору лекарств, но каждую ночь я видел ледяные глаза и черные тени. Просыпался с дикими криками и бегал по комнате, как умалишенный. Доктор сказал, что симптомы моей болезни похожи на лунатизм, однако ночные видения сопровождали меня вне зависимости от фаз вечернего светила, а значит недуг носил другой характер.

Поняв, что современная медицина бессильна, хотя Ханс верил в ее всемогущество и даже – неслыханное дело! – возил меня в Кобленц к одному известному врачу, мы с Агнет отправились к священнику. Как и всех в ту пору, меня крестили и водили на разные службы, требуя принимать участие в церковных обрядах, в которых я мало разбирался, так что никаких проблем с нечистым духом, якобы временами посещавшим тело ребенка, возникнуть не могло. После омования в святой воде мне стало несколько спокойнее, и пастор пообещал, что скоро я избавлюсь от дурных видений, если научусь искренно молиться и внимательно слушать его по воскресеньям. Зато преподобный Гектор перешел на брань в адрес какого-то мужчины, узнав о моем состоянии. «Говорил же я, что нельзя так поступать с чадом! „Я не готов стать отцо-о-ом, мне никто не ну-у-ужен!“ – тянул колоритный представитель духовенства, растопырив пальцы и выпучив глаза. – „У меня земли в Валахии, я слишком занят для этого!..“ Безумец! Поручил бы дело церкви, а не этим глупым дуралеям!» Он визжал что-то еще: о наследстве, исповеди, смертном одре и грехах, но я не запомнил всех его жарких речей. Никогда раньше Гектор не представал передо мной в столь возмущенном виде. Испугавшись его нападков, священника сторонился даже сильный Ханс, а Агнет снова заплакала.

Страхи разрастались и терзали бесконечно. Мать тайком отвела меня в дальний лес к прославленной в наших землях знахарке и прорицательнице. Старуха жила совсем одна посреди чащобы в ветхом домике, была незрячей, ни с кем не разговаривала, но если кто приближался к ее владениям, она высовывалась в окно и требовала, чтобы ее оставили в покое. Так случалось с плохими людьми, как называла их данная особа, у которых была черная душа и проступки обременяли их путь. Своим же соседям, доброму люду, она часто помогала дельным советом, заговором, снятием порчи или языческим благословением.

Мы беспрепятственно подошли к покосившемуся от времени домику. Ясновидящая медленно спустилась с ветхого крыльца и прошамкала:

– Да, дорогуша, нелегкое дело привело тебя сюда. Ты хочешь знать, что с мальчиком твоим будет, и как излечить его от беды, обрушившейся на дом ваш. Знай же, знай же, се есть проклятье, древнее, подобно роду, из которого он вышел. И не ему решать, принять проклятье или отречься от него, как не может человек корни свои изменить. Однако воспримет же он его, как должное, или иначе поступит – это на всю жизнь его повлияет...

– Проклятье? – прошептала Агнет в испуге.

– Много испытаний на пути его ждет, – продолжала старуха. – То бич Божий или рука дьявола? Как посмотреть... Пусть отца своего простит, может, и поймет чего.

Она резко развернулась и хлопнула дверью.

– Он приходил сюда... – заметила женщина, покачав головой. – Конечно, приходил...

Через две недели Лейтесдорф накрыла волна тифа. Те, кто был слабее остальных, неминуемо погибал. Есть стало совсем нечего, и люди зачастую сходили с ума от голода. Тогда же в дом Эверсбахов снова пришла смерть. Умер один из моих кузенов, сын спившегося Йозефа. Не успел я понять, что произошло, как тяжело заболел Ханс. Вскоре мы лишились дорогого, бесконечно любимого человека. В мои восемь я был не очень умен и считал, что, возможно, уйти на тот свет не так уж и плохо – все о тебе говорят, вспоминают, оплакивают, жалеют – о, столько внимания! Ты сразу становишься самым хорошим, тебе прощают все шалости, перестают наказывать, бить, обзывать. Вдруг обрушивается справедливость. «Если бы хоть раз увидеть его! Я бы тогда не подумал... не делал...» Поэтому гибель отца не тронула меня так, как Агнет. Я не был способен поддержать ее, не умел этого. Сострадание еще только отыскивало дорогу к моему сердцу. У меня не получалось по-настоящему сопереживать горю. Я рос один, занимался всякой ерундой и мир вокруг казался... сказочным. Выдуманным. Не настоящим. Друзей у меня не появилось, я разочаровался в них. Несчастный оставленный мальчик, что слонялся туда-сюда, стуча в каждый дом, чтобы хоть где-то найти родственную душу, понимание. Но все было тщетно. Я не мог кому-то открыться, хоть и замечал, что со мной что-то не так. Это неправильно, когда ребенок ни с кем не выстраивает доверительных отношений. Когда он боится быть собой.

Один раз, словно ударенный по голове, я вышел на дорогу, ведущую в Фар, и отправился по ней в Нойвид к родственникам. За те дни я даже ни разу не заплакал, не сказал ни одного слова, просто не мог уместить в себе мысль, что теперь на свете из Эверсбахов есть только один я и Агнет. Мы были очень привязаны друг к другу, я не представлял и дня, чтобы провести его в разлуке с ней. Когда неприятная ломота сдавила мое плечо, пришлось оглядеться. Круглый, опрятно одетый господин с усами тряс меня из всех сил.

– Да приди же в себя, наконец, черт возьми! О, теперь-то ты меня заметил, ха! Надеюсь, ты именно тот, кто нам нужен?

Я смотрел на полнолицего мужчину и не отвечал.

– Так-так, поглядим, – незнакомец развернул грязную измятую бумажку и принялся читать, – «Уважаемый и любезный Негг Хоффер!» Ну, это я, имеется ввиду. – пояснил он, ухмыльнувшись. – Надо же: «Уважаемый и любезный!» Приятно, ничего не скажешь! Двадцать шестого дня месяца июля в полдень на выезде из Валлендара, а именно на южной его дороге, вы повстречаете своего юного подопечного, называющего себя младшим Э...» Да! Мальчик, как тебя зовут?

Я молчал.

– Ну, как тебя зовут? Ты что, не знаешь?

– Младший Эверсбах из Лёйтесдорфа, сын сапожника, – отрешенно произнес я, не вникая в суть происходящего.

– А тех, кого ты именуешь родителями, величают...

– Отец – Ханс, а моя мать – Агнет, господин.

– Так и знал! – он торжественно хлопнул меня по плечу. – Здесь именно сие и написано, все сходится! Вы же отсюда недалеко живете, да?

– Да, господин.

– Теперь слушай дальше. «Он должен быть невысокого роста и похож на обычного ребенка семи-восьми лет, если не считать, что он худ и бо... болезненного вида. Серые глаза, темные волосы, шрам под левой коленкой...» У тебя есть шрам? Эй, парень! Я, может, собираюсь тебя придушить, а тебе, вроде, все равно? – мужчина сощурился, рассматривая меня.

– Есть, – кивнул я после паузы. – Проехался по камням.

– Тогда и это совпадает, – довольно погладив усы, незнакомец сложил бумажку и быстро убрал в карман. – Значит так, юный граф, мне велено забрать тебя с пыльной дороги и отправить в пансион, о котором можно только мечтать. Там ты будешь учиться и станешь настоящим джентльменом.

– Что? – побелев, выдал я сквозь нахлынувшие слезы. – Я не хочу! И Валлендар вообще не здесь! До него пилить и пилить пару часов и переправляться через Рейн два раза, а я пока еще даже до Вида не дошел! Вы просто чокнутый, если решили, что я поеду с вами, господин Как-вас-там!

Мои ноги засверкали в отдалении. Хоффер бросился за мной, но куда ему тягаться с напуганным дурачком... Бегал я быстро.

– Вернись, мальчишка! – кричал он мне в спину. – Я пожалуюсь графу на твои оскорбления, слюняй паршивый! – добавил мужчина уже не так громко.

«Он хозяин. Как скажет, так и будет.» Слова Ханса стояли в ушах, когда Агнет обняла меня на прощание. Я клялся ей, что обязательно вернусь, что никогда не забуду тепла ее рук. Светлый образ – любящей и доброй матери – всегда жил в моем сердце, просто потом на смену ему пришли другие переживания, и я не размышлял над ее судьбой каждую минуту. С нового учебного года потянулись мои долгие восемь лет в пансионе, о которых я не могу поведать что-либо ценного. Всякий день с утра до ночи новоиспеченный студент только и делал, что учился, а если не учился, то читал. Мне приходилось осваивать абсолютно все и сразу, потому что ни интеллекта, ни манер, никакой голубой крови во мне не наблюдалось даже отдаленно, но время шло, а порода человека с годами проявляется весьма рельефно. Ребята, которые мучились вместе со мной, считали меня выскочкой, потому что «деревенский бедняк дорвался до высшего света», и вскоре я стал помалкивать еще больше, чем прежде, ибо проблем со сверстниками мне и так хватало. Драться приходилось почти каждый день. Если бы не крепкие кулаки, натруженные во время крестьянской работы, наверное, мне бы чертовски досталось. Я знал, что богатые мальчишки стремились уничтожить любого, кто не вписывался в их представления о жизни, но колесо фортуны, если оно и существовало, двигалось в нужном направлении.

К одиннадцати годам мы очень повзрослели и изменились. Все вокруг считали себя истинными джентльменами. Мы старательно изучали английский сноб вперемешку с немецкой сдержанностью и беспристрастностью к чему-либо. Пожалуй, данный период обучения можно назвать самым лучшим. Но спустя пару лет отрешенные юноши погрузились в глубины своих возмужавших организмов. Нередко ребята собирались в кружки, элитные «общества» и компании, но меня никогда туда не принимали, а я очень скоро вообще перестал проявлять к ним какой-либо интерес, отчего заимел экстравагантную кличку «Монах», весьма меня забавлявшую.

Навещали нас редко и не охотно. Ко мне несколько раз в год приезжал Хоффер, чтобы передать бумаги от отца, узнать об успехах и спросить, не нуждаюсь ли я в каких-либо советах; появлялся также и преподобный Гектор со своими извечными нотациями – иногда он так крепко обнимал меня, что я грешным образом испытывал страх: не он ли вообще является моим тайным покровителем? Один раз вместе с ним приехал неожиданный гость издалека, из самой Вены – некий господин Хаймнер, крупный банкир, представившийся другом моего родителя. И, конечно, потому что я слезно умолял Хоффера и грозился что-нибудь сделать с собой, если мне не уступят, иногда поодаль от пансиона нам позволяли ненадолго встречаться с дорогой мамой Агнет. Только теперь, став старше, я научился ценить ее и безумно скучал по родной деревне. Бедная женщина очень постарела за последние годы, и я винил отца в том, что произошло с нашей семьей. Не Ханса, разумеется. А настоящего отца. Графа Радиша, чье имя я отныне носил.

Вот, пожалуй, и все, что стоит рассказать о моем детстве. Я ничего не умел, практически ничего не знал и до определенного момента оставался страшно темен. Единственным человеком, кто действительно повлиял на дремучий разум забитого ребенка, являлась моя драгоценная мать. В шестнадцать лет, во многом – по состоянию здоровья – я был переведен на «домашнее» обучение, хотя мне следовало постичь еще очень многое: уровень знаний, которыми владели сверстники, в отношении меня едва начал выравниваться. Страшный Дункельбург из крестьянских легенд и поверий, а также отец, которого я никогда толком не видел, обратились навязчивой реальностью. Впрочем, жизнь богача оказалась вовсе не такой уж и безысходной. У меня появилось множество слуг, хоть я и подозревал, что приказы они выполняют лишь те, которые поступают к ним от самого Радиша, куча свободного времени и простор для творческих изысканий. В громадном замке располагалось немалое число комнат и вместительных залов; здесь были собраны интересные экспонаты, диковинные находки из-за границы, а главное – несчетное количество прекрасных книг. Теперь, освоив некоторые языки, я мог понимать написанное и без перевода, но консультировался у педагогов, которые приходили ко мне несколько раз на неделе. Иногда я заставал тут и преподобного Гектора: он уже не отвечивал мне подзатыльников, как прежде, и с удовольствием отвечал на каверзные вопросы о роли религии в нашей жизни; появлялись здесь и другие знакомые старого графа, их было немного. Во дворе я встречался с крестьянами из деревни. Они с трудом узнавали в худощавом юноше того самого паренька, который так любил сооружать целые города из дровяшек на заднем дворе лесопилни, и кланялись мне, смущенно опуская глаза, но я уважал этих людей и никогда не задираю носа, а ведь когда-то они били меня... Зато теперь молодому хозяину не раз приходилось вступаться за них перед отцовскими слугами. Продав через своего помощника Хоффера лошадь и еще несколько предметов, предоставленных в мое распоряжение щедрой рукой Радиша, я собрал некую сумму и велел вручить ее любимой матушке, которая, как говорили крестьяне, перебралась в Воллендорф, где хорошо знали покойного Ханса, и вышла замуж за вдовца с двумя мальчишкам. Будучи под неусыпным контролем в Дункель-

бурге, видеться с ней лично я пока не имел возможности и заботился об Агнет единственным доступным способом.

Дни тянулись долго. Моя детская болезненность никуда не ушла. Всё меньше я выходил на дневной свет, предпочитая ранние серые часы перед восходом солнца или вечерние сумерки, когда небо становилось сине-лиловым. Природа вокруг замка дарила спокойствие, врачевала давнишние раны, чего так не хватало на протяжении многих лет. Моими лучшими друзьями оставались книги, а самым красивым местом на земле я считал библиотеку Дункельбурга, хотя само родовое гнездо внушало мне лишь отвращение и ужас. Она открыла мир собственных фантазий и грез, бесконечного погружения в необъяснимые глубины, и очень скоро превратилась в преданную возлюбленную, которую я берег ото всех и ревновал, если кто-то заходил туда по требованию старого графа. Здесь я жил, спал и думал. Здесь маленький мальчик из Лёйтесдорфа, робкий странный юноша из пансиона в Майнце, который тайком встречался с мамой в отцовском особняке, чтобы пожаловаться на пустоту и одиночество, постепенно становился тем самым Радишем, которым позже меня увидели люди, так или иначе повлиявшие на весь дальнейший ход моего повествования, а значит и жизни. Наконец, неотесанного простака отшлифовали до такого состояния, что я мог показаться в высшем свете, не позоря великого княжеского рода, к которому принадлежал от рождения, но всегда считался не более, чем упушением злополучного валашского графа-затворника.

Мне стукнуло восемнадцать, и я был по-своему счастлив. С людьми общался мало, почти не говорил, но с удовольствием слушал других. В театре и на балах, как мне думалось, я производил впечатление – вот только не знаю, должное или нет. Общество называло юного наследника загадочным, и меня это устраивало. Доверять свои секреты я не привык, хотя иногда ужасная тоска накатывала, словно огромная волна, и тогда все вокруг теряло прежние краски. Но одиночество всегда являлось неотъемлемой частью моей жизни. Я не умел его нарушать. А люди считали меня гордым и бездушным.

С отцом мы не построили ничего. Виделись редко и мельком. Полгода он проводил в Валахии, управляя своими землями и наводя ужас на местных цыган. Другие шесть месяцев вел какие-то важные дела в Дункельбурге. При нем постоянно находился верный камердинер по имени Марсель, наверное, родом из Эльзаса, которого старый граф ценил необыкновенно высоко. Один раз по неграмотности я назвал его «управляющим» и получил несколько ударов тростью. Отец приходил в бешенство, стоило мне допустить малейший промах, поэтому наши диалоги всегда проходили весьма своеобразно – я молчал, набрав в рот воды, а он изливал в адрес живущих на земле потоки ужасной брани. Но то словечко мне понравилось, и в дальнейшем новый хозяин именовал Марселя так, как хотел. Еще одной заметной фигурой в наших владениях являлся Петрос. Он занимался содержанием замка и земли, предоставляя точные сведения и распределяя финансы, так что в будущем граф планировал отправить его в Валахию для того, чтобы навести там «идеальный порядок и заставить этих бездельников приносить ощутимый доход». Надо сказать, умница Петрос оправдал возложенные на него обязательства и слыл чрезвычайно предприимчивым дельцом. Я иногда слушал его доклады и много размышлял над таким интересным даром.

Став взрослее, юный хозяин уже не испытывал прежней ненависти по отношению к своему родителю, да и страхи тоже отступили. На смену им пришло презрение – абсолютно верное определение для бушевавших внутри меня чувств. Когда по ночам мне становилось невыносимо грустно, я играл в шахматы или просил кого-нибудь из обученных слуг читать по ролям пьесы Мольера. Как только старый граф отправлялся в длительное путешествие на свою исто-

рическую родину, наступало время свободы. Я вконец осмелел – требовал подать экипаж и ездил в Майнц, где недели напролет проводил в отцовском особняке – он казался невероятно уютным после холодных каменных залов отвратительного Дункельбурга, а также навещался в Воллендорф, но там меня никто не ждал. Я снова приготовил деньги и на закате сунул их в руки малыша – младшего пасынка Агнет. Через окно их дома моим глазам предстала картина семейной идиллии: слезы радости, возмущение, крестьянская гордость, решительный отказ. Впрочем, вернуть подарок было некому: благодетель спрятался за сараем, а его лошади остановились далеко отсюда. Мать долго плакала у изгороди, поддерживаемая новым супругом, который произнес интересное замечание:

– Вы с дружищей Хансом заработали их по-честному.

– А ведь я бросила его... Бросила... – отозвалась женщина, и слезы хлынули по моим щекам.

Ее собеседник лишь усмехнулся.

– Он тебе вовсе не родной, Агнет.

Я хорошо расслышал эти слова и укрепился в решении никогда больше не появляться там.

Глава 2. Валахия

На исходе осени я получил известия о смерти моего отца, скончавшегося от сердечного приступа где-то на подъездах к Рейну. Согласно завещанию я должен был перевезти его тело на родину, в Валахское княжество, и похоронить в фамильном склепе князей Радиш. На исполнение последней воли старого графа ушло бы несколько недель, а, возможно, и месяцев – я точно не знал, в каком состоянии сейчас пребывают дороги, – и, думаю, именно поэтому он распорядился сразу же после кончины забальзамировать его останки одному из своих многочисленных и весьма странных слуг, зачастую не произносивших в моем присутствии ни единого слова. При жизни покойный аристократ слыл до крайности эксцентричным человеком, и на его причуды я уже не обращал никакого внимания.

Весь месяц простояла ужасная погода; Европу накрыли метели и снегопады, так что отправляться в путь с приятелями графа – господином Хаймнером и душепопечителем Гектором в компании нового камердинера Марселя – я не решался довольно долго. В начале декабря ко мне пришли письма с соболезнованиями от старых земляков отца, родственников и знакомых, нескольких товарищей по пансиону, которые спрашивали о моем здоровье и просили разрешения навестить мрачный замок, занимавший немало страниц в моих длинных ответах на их редкие послания. Как-то раз я пообещал одному отпрыску благородного семейства радушный прием в холодном Дункельбурге, но сейчас ему пришлось отказать – я надолго уезжал из родных мест, обремененный исполнением сыновнего долга, и не предполагал, удастся ли мне вернуться обратно, поскольку долгий путь в таинственные земли внушал лишь сомнения, перемешанные с неподдельным страхом. Через несколько недель, в преддверии Рождества, преподобный Гектор посетил меня в прекрасном расположении духа и настоятельно рекомендовал отправиться на восток, как можно скорее, ибо душа графа должна была обрести покой в обители своих предков, где когда-нибудь буду почивать и я сам. Подобные разговоры едва не свели меня с ума. Отправляться на другой конец Европы мне вовсе не хотелось, однако совершение печального обряда входило в обязанности священника, и он увещевал бы нерадивого отпрыска каждые десять минут, будь на то его воля. Похороны графа сулили мало приятного, и все же я заставил разум принять незапланированную поездку в Валахию, как странный подарок судьбы.

Присутствие мертвого тела в Дункельбурге будоражило неокрепшее воображение молодого хозяина. Вечерами я велел Марселю вести дела в моей комнате, будто бы желал разобрататься во всех нюансах, которые не переставали быть для меня чем-то запредельным, а потом играл с ним в шахматы и расспрашивал о покойном отце, ведь почти ничего о нем не знал. Оказывается, пока я постоянно сидел на одном месте в библиотеке, углубившись в изучение очередного шедевра, Радиш вел бурную ночную жизнь. Он занимался охотой, имея великолепное зрение, каким обладают только хищные звери, устраивал скачки на самых непокорных жеребцах, доставленных ему из восточных степей, бесконечно с кем-то спорил на политические темы и затевал драки в случае, если некто отваживался не разделять его мнения. Особенно старый граф любил упиваться на рассвете в близлежащей таверне и проклинать весь мир, чем неоднократно наводил на себя праведный гнев отца Гектора. Они совсем не ладили друг с другом, и появление последнего в Дункельбурге было обусловлено лишь тем, что моя мать – женщина, которая произвела меня на свет, – завещала Радишу изменить свои взгляды и принять христианство: к слову сказать, однажды он даже заключил пари, что не пожелает исповедоваться, когда пробьет его последний час. Священник, придя в ужас, умолял графа отдать будущего наследника под монастырскую опеку, но тот был непреклонен. Да, пускай в сыне он

действительно не нуждался – до поры, до времени, но раз уж ребенок все-таки обременил его жизнь, никакой религии здесь навязывать не следует. Так, волею родителя я оказался в семье бедняков. Но настал момент, когда Радишу пришлось вспомнить о моем существовании, и он раскошелся, чтобы впоследствии требовать от меня почтения, преданности и заботы.

Оставив замок на Хоффера, мы начали свой долгий путь почти сразу же после праздника, так что ни Хаймнер, ни Гектор, к счастью, не успели исследовать весь Дункельбург и попасться в какую-нибудь жуткую ловушку или зеркальный лабиринт, которыми полнились старинные замки наших суровых предшественников, о чем я, грешным делом, немного пожалел – настолько мне хотелось избежать предстоящей дороги. Весь январь наша компания пересекала границы королевств, земель и регионов. Только в первых числах следующего месяца Марсель взволнованно объявил, что мы прибыли на родину моего славного пращура, а также всяческих легенд и преданий о нечистой силе, над которыми мы с Хаймнером нередко смеялись во весь голос.

Нашей обителью на ближайшее время стало село Георгени в Восточных Карпатах, поскольку я ненавидел замки и отправил Петросу весточку, чтобы он не ждал хозяина в гости. Здесь жили вольные горцы: румыны, венгры и цыгане, принявшие нас с особой теплотой и радушием. Говорить в открытую о том, кем являлся покойный граф, о моей принадлежности к старинному роду князей Радиш, которым я приходился последним прямым потомком, все же не стоило, подумалось мне. Цыганская диаспора и так дала понять, что обитать в этих местах далеко не безопасно. В таинственных горах часто блуждали люди и кони, бесследно пропадали дети, кто-то воровал крупный тучный скот и вообще, чего только не творилось! Особенно семья Дишича, приютившая иностранцев, боялась высот при наступлении полнолуния, веря, что на отрогах обитают кровопийцы и демоны. Решив однако во что бы то ни стало отыскать фамильный склеп отца, мы пробыли в Георгени всего с неделю и отправились дальше – покорять Карпаты.

В тот день ничто не предвещало бури, но стоило нам отъехать на несколько часов в горы, как поднялся сумасшедшей ветер, и повалил снег. Кучер – конечно, не суеверный цыган, а хладнокровный бесстрашный мадьяр, заверил, что отыщет дорогу назад в два счета. Впрочем, время шло, а он так не сумел справиться с делом вплоть до наступления сумерек. За окном быстро стемнело. Ветер усилился. Мы могли погибнуть и не на шутку перепугались. Только Гектор не поддавался страху, медленно перебирая деревянные четки. Его сухие губы повторяли чудесные молитвы, и я обретал покой, когда смотрел на него.

Внезапно прямо среди скал перед нами возник занесенный снегом трактир, едва различимый в кромешной мгле. Нашу радость при его появлении нельзя было передать – все выскочили из экипажа, чтобы поскорее укрыться от непогоды в долгожданном убежище. Кроме нас других постояльцев в ту ночь не предвиделось. Хозяева, молчаливый валах и его жена-цыганка, отнеслись к нам с недоверием и подозрительностью.

– В таких местах добрые люди не застревают. Только всяких проходимцев ветром приносит не пойми откуда, – проворчала старуха.

– Какие же мы проходимцы? – возразил Марсель, предлагая нам с Хаймнером отпить вина, захваченного им из Георгени. – Этот сударь родом из Пешта – управляющий банком. Также с нами многоуважаемый отец Гектор, прибывший из Майнца. А здесь, мой господин, граф...

– Попроси перевести, – не дал я ему закончить. – Возможно, хозяйка не совсем понимает нашу речь.

Кучер обмолвился с ней парой слов, сделал трактирщику какое-то замечание на местном диалекте и странно рассмеялся. Слуга не отреагировал на его действия, махнув рукой: мол, что с них взять, дикие люди, и вскоре после ужина все мы отправились отдыхать. Компания разошлась по комнатам в начале одиннадцатого, когда метель еще не утихла, а ветер завывал в щелях хуже стаи волков.

Я подошел к окну, чтобы сильнее задернуть шторы и перекрыть тем самым поток холодного воздуха, шедшего сквозь тонкие, перекошенные рамы. Вдруг, совсем неожиданно, я увидел в чернильной мгле ночи и гор маленькую светящуюся точку, напоминавшую по форме желтый кошачий глаз. Невольно я зажмурился, решив, что мне привиделся этот необъяснимый свет, но он действительно существовал, искрясь там, вдали – стоило лишь открыть глаза, чтобы убедиться в своей правоте. Если бы таинственный объект предвещал приезд в трактир новых постояльцев, я бы искренне обрадовался их визиту, поскольку смог бы узнать, не заметили ли они в окрестностях нечто, похожее на древнее захоронение, и нам уже не нужно было бы скитаться по извилистым карпатским дорогам, от которых мороз продирает по спине.

Впрочем, беседовать в тот вечер мне не пришлось ни с кем, поскольку таинственный огонек не приближался к месту нашего ночлега, а продолжал мерцать где-то на расстоянии. Временами он исчезал, и тогда я с облегчением отходил от окна, пытаясь отвлечься, настроиться на сон, но загоревшись снова, глаз не давал мне покоя, и я решил выйти, чтобы рассмотреть его поближе. Все вокруг давно спали, убаюканные метелью. Дверь в комнату Гектора – единственного, чье окно выходило на ту же сторону, что и мое, была заперта. Наверное, если бы мой возвышенный спутник наблюдал странный свет посреди ночи, он не смог бы отдыхать, равно как и я. Но поскольку в гостинице стояла мертвая тишина, его не мучили странные галлюцинации.

Одевшись потеплее – вернее, лишь накинув шубу сверху того, что не успел снять, поскольку не ложился, – я шагнул на зимнюю стужу. Метель прекратилась, ветер утих, и если бы не массивный слой снега, я быстро добрался бы до места, откуда исходило непонятное свечение. Глубокой ночью один во мраке гор, на древней земле, полной легенд и обгагрившейся кровью много лет назад по вине моего же предка... В голову лезли неприятные мысли.

Я долго шел по прямой, не сворачивая ни на шаг, оставляя после себя глубокие следы, и только теперь понял, что раз прекрасно различаю дорогу в такой темноте, на небе давно взошла луна. Именно из-за нее наступило прояснение и прекратилось это ужасное буйство стихии, едва не погубившее нас. Круглый диск светил ярче любой лампы и указывал мне путь к таинственной находке. По мере продвижения передо мной вырастали горные хребты и огромные камни, так что пришлось несколько раз сворачивать, чтобы обогнуть их. Мое дурное предчувствие, настойчиво утверждавшее, что я вряд ли вернусь отсюда, усиливалось с каждой минутой. И зачем только я отправился к этим вершинам? Неужели меня призывал беспощадный рок или зов наследной памяти? Ведь не признавая род князей Радиш, я не мог отрицать, что в моих жилах течет та же кровь.

Путь снова преградила гора. Я осмотрелся, чтобы выбрать поворот, но, подняв голову, понял, что добрался. На огромной высоте, теряясь среди скал, неясно как туда заброшенный, висел то ли меч, то ли металлическое распятие, и его гладкая поверхность отражала свет луны на сотни метров вокруг. Честно говоря, я вздохнул с радостью. Просто кусок железа, возможно, оставшийся как воспоминание о давней битве, почему-то не покрытый ржавчиной, но и Бог с ним! Главное: это не глаз какого-то дракона или гиблый огонек посреди снежной пустыни, заманивающий одиноких путников навсегда остаться в горах.

Но открытие, поджидавшее меня, оказалось куда более впечатляющим. При ярких лучах ночного светила я не сразу догадался, что в исполинской скале передо мной возвышается будто вытесанный из черного камня огромный замок! Та стародавняя затерянная крепость князей Радиш, о которой мне столько рассказывал граф в редкие минуты общения с ним. Я потерял дар речи и медленно поплелся к его ближайшей стене. Почти сразу моим глазам предстал вход в фамильное гнездо предков. Не предполагая, что ждет меня под его мрачными сводами, я ступил на порог замка. Луна била мраморным светом прямо за спиной, руки уперлись в холодную дверь, которая с легкостью распахнулась, и на пару мгновений я словно врос в каменный монолит, простоявший здесь сотни лет. Очнувшись от оцепенения, я устремил взгляд на высокие ступени, ведущие в горы. Вскоре меня накрыл странный звук, похожий на шорох листвы в парке, когда порывисто дует ветер с реки. Ничего не понимая, я продолжал слушать симфонию ночного ужаса, замороженный и остолбеневший, пока дикая, яростная, густая масса каких-то темных существ с красными глазами не напала на меня, разрывая одежду и пронзительно вереща. Что это было? Вороны или летучие мыши? Не могу сказать наверняка. Мне стало так страшно, что я закричал и со всей силы бросился бежать, куда глядели глаза, но замертво упал в глубокий пушистый снег, беспомощно взмахнув дрожащими руками, и потерял сознание.

Буквально через секунду я очнулся, вскочил на ноги, но не обнаружил вокруг ничего, что свидетельствовало бы о моем ночном путешествии. За окном по-прежнему стояла темная ночь, мела вьюга, занавески ходили ходуном от порывистого ветра. Мои вещи валялись на кресле. Тускло горела оплывшая свеча. Я уставился в непроглядную тьму, силясь увидеть хоть что-нибудь, похожее на тревожный огонек, ведущий к родовому замку Радиш при свете луны. Неужели мне привиделся лишь кошмарный сон? Поверить невозможно! Я тихо рассмеялся и в изнеможении рухнул на стул.

Возле моего стакана на столе покоилось маленькое походное зеркальце. Не сразу заметив себя в нем, я все еще надеялся на то, что ничего страшного не приключилось, и лишь случайно мелькнувшее отражение показало, насколько я ошибался. Мое лицо, шея и руки оказались покрыты многочисленными царапинами и укусами. Только теперь я обнаружил, что переоделся в другой костюм, поскольку прежний, видимо, был изодран в клочья отвратительными крючковатыми когтями.

Шатаясь, я поднялся и вышел из комнаты, чтобы поделиться пережитым с друзьями. От осознания факта, что ночные твари, так поранившие меня, в придачу заразили мою кровь какой-нибудь редкостной дрянью, путало мысли и бросало в жар.

Как оказалось, никто не спал. Хаймнер допивал вино и играл в карты с кучером-мадьяром. Марсель чистил обувь и рассказывал веселую историю, развлекая спутников. Хозяин как всегда молчал, протирая посуду, а трактирщица считала деньги, которые ей заплатили за постой. Глядя на эту спокойную картину безмятежно отдыхавших людей, не переживших никаких ночных ужасов, что стряслись со мной в горах, я замер на месте, не выходя под свет лампы.

– О, господин! – обрадовался мне Марсель, бросая свое занятие. – Как ваше здоровье?

– Так себе... – отозвался я хриплым голосом.

– Не унывайте. Скоро эта пурга на дворе закончится. Она уже три дня, должна же когда-нибудь наступить хорошая погода, – бодро заявил Хаймнер, грохая бутылкой о стол.

– Три дня? – переспросил я. – Мы здесь уже три дня?

– Верно. Вы просто спали без задних ног. Мы даже не решились вас поднимать: раз уж молодой человек так устал, пусть спит себе на здоровье. Тем более, что тут тоска зеленая, делать вообще нечего, – пояснил банкир, скидывая карту. – Я и сам провел в постели весь день.

– Пойдите. Что это у вас с лицом, граф? – удивился Гектор. – Словно по песку проехались!

Все посмотрели на меня. Объяснять, что в одну из ночей я искал смерти в горах, но обнаружил древний замок, где пять веков не ступала нога человека, и нарвался на стаю летающих монстров, разодравших мою одежду и кожу... Нет уж, увольте. Скорее всего в таком случае даже мои товарищи посчитают меня сумасшедшим.

– Да у вас и руки все в царапинах! Кто на вас напал? – поразился Марсель.

Что же сказать? Что я упал во сне с кровати? Какая нелепость! Внезапно меня спасла хозяйка трактира.

– Ах, драная кошатица! Витка, мерзкое животное, брысь с моего стола! Вот я покажу тебе, проказница эдакая, как портить господину вещи и лицо, пока он почивал, вот ведь! Ух, bestия! И так у нас никто не останавливается, она еще и вас спровадить хочет.

Метель стихла на другой вечер, и мы вернулись в Георгени. Я мучился жестокой лихорадкой, не в силах заниматься погребением графа, и торопившийся домой Хаймнер взял дело в свои проворные руки. Искусный делец, он организовал похороны должным образом несмотря на время года и все сопутствовавшие трудности, а выбор места лег на совесть преподобного Гектора, хотя он всячески сопротивлялся проведению церемонии без моего ведома. Но я был слишком болен, а время поджимало. Марсель ухаживал за мной столь внимательно, что я проникся к нему глубоким уважением, понимая, от чего отец так высоко ценил его труд и всегда держал при себе. Этот сорокалетний подвижный мужчина готов был расстаться с жизнью, лишь бы помочь мне справиться с недугом, поэтому я доверил ему все секреты своего слабого здоровья, позволив вести дела, в которых мало что понимал. Гектор не преминул упрекнуть меня в том, что молодому человеку не стоит относиться к религии столь поверхностно – конечно, он имел в виду ситуацию с телом графа. «Вы навлекаете на себя не исполнением воли, отсутствием почтения к предкам незавидную, я бы даже уточнил, страшную участь. Впрочем, да судит вас Бог со всей милостью. Усердно молюсь о вашем благоразумии, сын мой.» Болезнь терзала уставшую плоть, и я остался равнодушен к его словам.

Хаймнер уехал в Пешт. Гектор занимался делами местной общины, путешествуя по окрестностям, чтобы проповедовать среди цыган, которых называл подозрительными и глубоко заблуждавшимися людьми. Петрос прислал нам денег, отчеты и кучу провианта, надеясь, что молодой граф все-таки изменит решение и захочет увидеть доставшиеся ему в наследство валашские земли. Но он переоценил мои возможности: я был очень обеспокоен своим здоровьем, и мне уже хватило приключений на многие годы вперед. Покинув ненавистное ложе в конце февраля я чувствовал себя совершенно ослабевшим, лишенным жизни. И все же приступ миновал. Кипучие страсти вольного народа Галиции постепенно заставили меня отвлечься от пережитого кошмара.

На улице заметно потеплело. Природа оживала в преддверии весны. Мы с Марселем не торопились вернуться обратно в Дункельбург или, что касается нашего товарища – в Майнц, потому что как зачарованные неустанно поражались красоте и гостеприимству здешних мест. Время летело незаметно. Мы поздно вставали, вкусно и много ели – приготовленные горцами блюда всегда вызывали аппетит, ходили на охоту, объезживали лошадей, танцевали у костра, слушали песни молодых цыган и легенды из уст старейшин. Это были прекрасные, наполнен-

ные весельем дни, пока однажды я не почувствовал, что внутри меня просыпается какое-то странное, зловещее чутье. Не понимая, что происходит, я скрывал от окружающих безумную тревогу. Люди вокруг меня были счастливы, и мне не хотелось им мешать.

Пасмурным мартовским утром, когда на лицах моих приятелей сверкали улыбки, и лишь я пребывал в мрачном расположении духа, глава цыганских поселений Георгени и хозяин дома, в котором мы жили, – седой цыган Дишич уселся за богатый стол с печальными глазами. Его внимательная дочь Рогнеда, обожающая мудрого отца, сразу заметила перемену в настроении старика и поинтересовалась, отчего он так загрустил. Дишич сообщил во всеуслышание, поскольку тайн ни от кого не держал, что у местных жителей пропали три лошади, которых они собирались продать знатному купцу из Бухареста. Я расстроился не меньше других и очень пожалел этих добрых людей, хотя и никогда не переставал их бояться.

После трапезы, поблагодарив хозяина за щедрое угощение, мы с Марселем вышли из дома, чтобы помочь молодым цыганкам перенести в стойла заготовленное осенью сено, которое шло на корм лошадям.

– Вы видели, – подмигнул мне слуга, – местные девушки необычайно хороши. Можно даже подыскать себе единственную и прожить вместе до конца дней.

– Они не приветствуют браков с чужеземцами, – заметил я, усмехнувшись.

– Да, верно. Интересно, получилось бы у меня выкрасть одну из них и поспешно увезти в ваш замок?

– Зачем она тебе?

Он вздохнул и улыбнулся.

– А если это любовь?

Я рассмеялся, слушая камердинера.

– Ты называешь отречение от родителей, предательство народа и обычаев любовью? Не стоит отрывать наших вольных горянок от их прекрасной земли. Свободным людям нигде не будет счастья, кроме как в высоких горах и на бесконечных равнинах. Здесь гуляет ветер, резвятся кони, и звезды светят так низко...

– Да вы прямо как лорд Байрон, – присвистнул Марсель. – Настоящий поэт!

Я ничего не ответил, только резко обернулся в сторону глубокого ущелья на юге.

– Что там, господин граф?

– Разве не слышишь? Лошади.

– Где?

– Там, на берегу ручья. Они напуганы.

– Бог с вами! – воскликнул мужчина. – О чем вы толкуете? На каком еще берегу?

Оставив сено, я быстро подошел к цыганкам. Первой, кто попался мне на глаза, оказалась Рогнеда. Я не знал на ее диалекте ни слова, доверяя переводы кучеру, а она, как мне думалось, едва разбирала немецкий. Несмотря на сложности, я решил объяснить девушке, что нужно позаботиться о заблудших жеребцах.

– Госпожа Дишич...

Обернувшись, она взглянула на меня.

– Три, – показал я на пальцах. – Лошади... – махнул рукой на стойла. – Там, внизу, в ущелье, – кивнул головой на дверь. – Вы должны пойти туда.

Мои растопыренные пальцы охватили всех присутствующих.

– Они не поймут вас, господин граф, – отозвался слуга.

Не знаю, как расценила мои жесты цыганка, но она позвала нескольких мужчин и велела им поехать к искрящемуся в лунном свете ручью. Удивленные, они последовали за мной. Я показывал направление, стараясь донести до них смысл вылазки, пока, наконец, вдалеке мы

не обнаружили пропавшую на днях тройцу лошадей. Старый хозяин настолько обрадовался пропаже, что сразу же предложил мне выбрать скакуна. Поистине это был царский подарок, ибо кони ценились в сих местах на вес золота и отличались редкой выносливостью.

Теперь я прослыл едва ли не лучшим другом местных цыган. Меня окружили еще большим почетом и уважением. Фамильный склеп Радиша мы так и не обнаружили, в том числе из-за того, что жители соседних селений вздрагивали при любом упоминании имени моего отца. Большой чудак, он казался им колдуном или оборотнем. Я посылал Марселя в горы, думая, что слуга, пройдя моей дорогой, отыщет старинный замок, и тело графа все-таки успокоится там, где он просил в завещании, но местонахождение таинственной постройки с роем кровожадных тварей внутри было утеряно навсегда. Пришлось оставить всё, как распорядился Хаймнер. Я действительно не мог позаботиться о погребении родителя лучше него.

Ближе к середине марта мое состояние резко ухудшилось. Накануне полнолуния, примерно через месяц после нападения тех ужасных существ с красными глазами, все мои внутренности заныли от мучительной боли, страшно раскальвалась голова. Связывать приступ с ночными похождениями мне не хотелось, и я просто решил отлежаться.

Рогнеда и ее маленький брат Сиру собирались сегодня в горы за первыми цветами, ибо теплая погода стояла уже несколько недель, и они надеялись украсить дом к возвращению отца и других мужчин с удачной охоты. Сославшись на плохой сон, я остался в комнате, хотя тоже надумывал отправиться погулять по окрестностям. Кроме нас с Марселем здесь никого не было.

Молодым девушкам запрещалось покидать Георгени одним, поэтому Рогнеда, несмотря на мой болезненный вид, упростила меня сходить с ней и братом на близлежащую поляну недалеко от села. Свежий горный воздух пошел бы мне на пользу, заметил слуга. Я согласился, велел ему помочь женщинам, а сам проводил Дишичей до скалы Слез. Стояло раннее туманное утро, воздух никак не мог прогреться и казался совершенно серым.

– Она носит свое название оттого, – произнесла вдруг цыганка на немецком, – что девушка, долгое время ожидавшая здесь жениха, так отчаялась больше никогда не увидеть его, что бросилась вниз и разбилась о камни. С тех пор все, кто вспоминает эту легенду, не могут сдерживать слез, не пожалев несчастную.

– Вы умеете говорить на моем языке? – удивился я. – Выходит, все, что мы обсуждали с Марселем или Гектором, вы поняли и никак не отреагировали на наши слова?

– Из местных лишь некоторые знают говор мадьяр или ваш. Отец не хочет, чтобы я общалась с чужаками.

– Но нам можно было бы довериться. Сколько недоразумений удалось бы разрешить. Ведь кучер не всегда оказывается рядом.

– Чужим лучше не заговаривать с молодыми цыганками. Иначе мы околдуем вас нашими чарами, и тогда вы пропадете навек, – улыбнулась Рогнеда.

– Господин Дишич не разрешает вам дружить с кем-либо не из родного села?

– Нет, он строго чтит обычаи. Наши девушки выходят замуж только за местных мужчин.

– Тогда ваш отец тем более не обрадуется тому, что мы с вами одни ушли к скале Слез.

– Мы вернемся до его прихода, – пожала плечами собеседница. – Или можем опоздать.

– Мне все равно, – вздохнул я. – Моя боль одинаково мучает меня и в вашем доме, и среди гор. Хотя здесь я меньше замечаю ее.

– Боль?

– Да, внутри все как-то странно сводит, словно мне очень хочется есть, но ведь я только отведал баранины. Просто не знаю, что делать, как унять эти муки. Ничего не помогает уже четвертые сутки.

– Тогда лучше вернуться. Я думала, господин сам поспешит назад, узнав об отце и испугавшись наказания цыган. Но господин – друг нашему народу, он не трус, у него храброе сердце.

Покачав головой, я усмехнулся.

– Он мудр и молчалив, похож на отважных сородичей Рогнеды. Я видела, что господин устал, но он силен, не отступает перед трудностями. Его земля должна гордиться им.

– Вы тоже смелая, раз не побоялись пойти с чужаком, – заметил я.

– Отец не станет меня ругать! – дерзко возразила девушка. – Он уверен в моей ловкости и умении владеть кинжалом. Я всегда смогу постоять за свою честь.

На этих словах она достала из-за пояса маленький ножик, который неизменно присутствовал у меня в кармане на протяжении всего путешествия по Валахии. Я невольно проверил жилет.

– Да, оружие господина. Но он не заметил, что лишился его. Бесплезно тягаться, – улыбнулась цыганка. – Идем назад! Цветы могут подождать, им еще не время расти.

– Проверять гостей изощренными способами – тоже часть обычаев? – усмехнулся я, недоверчиво глядя на нее.

– Можно сказать и так.

– Значит, если бы я сегодня отправился на охоту... Меня и там поджидали бы испытания?

– Как решит отец!

– И он выбирает, кого и почему следует рассмотреть?

– Иногда. Но господина предпочла Рогнеда. Отец сказал, он не прост.

– Зачем? – рассмеялся я, скрывая подступивший страх. – Завести в горы, обезоружить, отвечать загадками... Может, вы решили прирезать меня здесь?

Я хохотал очень громко, чтобы развеять собственную трусость.

Девушка улыбнулась, собираясь что-то пояснить, но почти сразу же ее лицо исказил ужас. Мое несдержанное поведение отозвалось грубым и пронзительным эхо по всей округе. Искаженный смех, многократно усиленный, раздался высоко в вершинах, и через несколько секунд к нам под ноги посыпались мелкие камешки.

– Беги! Беги! – закричала цыганка, толкая меня.

Сиру, игравший неподалеку, вскочил и бросился к сестре.

Все произошло слишком быстро. Несколько крупных булыжников сбили нас с ног, и мы кубарем покатались вниз по склону, который, слава Богу, не был настолько крутым. Через пару минут я уже валялся у подножия другой скалы, проехав метров тридцать, изорвав всю одежду, поранив руки и ноги, наелся досыта пыли, но все еще не терял сознания. В пяти шагах от меня недвижно лежала Рогнеда. Я подполз к ней, несмотря на страшную боль и головокружение. К счастью, сердце ее по-прежнему билось, цыганка осталась жива. Сиру зацепился среди острых камней выше, его навзничь откинута голова ужаснула меня; маленькая фигурка едва содрогалась. С трудом подобравшись к нему, я увидел, что у мальчика сильно разбит лоб. Из глубокой раны сочилась густая алая кровь. Нагнувшись, я слышал, как слабеет его дыхание, и понял, что Сиру умирает. Наступила темнота...

Глава 3. Пешт

Только благодаря тому, что Рогнеда выжила после обвала в горах и рассказала о случившейся трагедии всю правду, а также вследствие особого расположения ко мне цыганского барона Дишича, я покинул Валахию живым и невредимым. Горе старого отца было безгранично: он убивался по погибшему Сиру настолько тяжело, что я невольно пожалел о собственном спасении. Хотя цыгане и обнаружили меня всего в крови, с разбитым лицом, вывихнутой рукой, полученные травмы казались такой незначительной мелочью по сравнению со смертью нашего юного друга. Как бы я хотел оказаться на его месте! Почему Бог не забрал слабого калеку и предпочел жизнерадостного, доброго мальчика? Несправедливо.

Рогнеда выздоровела достаточно быстро – не в последнюю очередь благодаря тому, что врач, выписанный для меня из города стараниями Марселя, наблюдал и ее, вопреки всем предубеждениям. Немного оправившись от своих ран, щедро расплатившись с доктором за оказанные услуги, я решил покинуть гостеприимное село. На память хозяйская дочка подарила мне плетеный оберег от сглаза, предупредив, что темные силы гор всегда будут охотиться за моей душой, ибо я дерзким образом посмел встать у них на пути. Многие цыгане считали меня виновным в гибели Сиру из-за нарушения запрета Дишича покидать пределы Георгени, ведь мальчик с сестрой ни за что не отправились бы в горы одни, но девушка никак не осуждала своего чужеземного спутника, по-прежнему называя меня храбрым господином. Ее отец крепко обнял нас на прощание.

С тяжелым сердцем я пересек границу области и держал путь на Дункельбург, куда вовсе не хотел возвращаться – причем, камердинер придерживался того же мнения. Серое небо, окружавшее замок графа, моего настоящего отца, которого я все еще не признавал, и пустынная мрачная местность возле таинственного Рейна – вот, что ожидало молодого, бесконечно разочарованного мужчину по прибытии в окрестности Майнца. Но до наследного края предстояло проехать еще столько земель...

Мое уныние развеял Марсель, первым отошедший от печальных событий, развернувшихся у Скалы Слез. Как раз по пути домой мы должны были остановиться в Пеште на левом берегу Дуная. Неунывающий слуга предложил мне задержаться в городе, чтобы отыскать его дальних родственников, а я получил бы возможность увидеть с Хаймнером и расспросить его о делах, которые заставили банкира вернуться из путешествия раньше намеченного срока. К тому же, вся мадьярская аристократия признавала общение исключительно на немецком языке, так что я не почувствовал бы себя здесь таким беспомощным и одиноким, как в равнодушных горах.

Спустя две недели мне стало лучше, я успокоился и вышел в общество. Друг отца познакомил меня с высокопоставленными чинами, известными предпринимателями его уровня, художниками, скусающими в провинции дамами, страстными охотниками за всевозможными сплетнями, седыми и тучными генералами. Круговорот светских раутов, званых обедов и прогулок на природе заставил меня забыть о горестях и пошатнувшемся здоровье. Все шло прекрасно, и довольный Хаймнер уже собирался представить своего юного приятеля некой молодой кузине, решив почему-то, что немногословный и застенчивый граф обязательно ей понравится, но приближалась очередная середина месяца, вновь заставившая меня слечь в постель.

Вечером десятого апреля страшная боль пронзила мое тело: в висках неистово колотилась кровь, поднялся сильный жар, с ног до головы пробирала лихорадка – и снова, как и на прошлое полнолуние, внутри проснулось жуткое, непостижимое чувство тревоги. Мой организм выворачивало наизнанку, рассудок отказывался служить. Честно говоря, на такой внезапный приступ я уже и не рассчитывал. В последнее время мое состояние казалось неплохим и стабильным, так что случившегося со мною теперь не могло привидеться даже в кошмаре. Не медля, я вышел из дома, никого не предупредив о своей отлучке, и направился к доктору Ратту, чье имя постоянно упоминалось среди высших кругов местных вельмож и магнатов, и приложившему руку к лечению едва ли ни всех известных Хаймнеру лиц.

Господин Ратт проживал в двух кварталах от прекрасного особняка, который принадлежал моему покойному отцу – здесь он останавливался, чтобы передохнуть по пути из Валахии, пояснил мне Марсель. Я не привык ждать, пока подадут экипаж или подоспеет возница, поэтому быстро передвигался пешком, насколько удавалось в таком состоянии, и темными проулками рассчитывал добраться напрямик к убежищу доктора. В городском лабиринте мне не подалось ни одной души; как назло, улицы словно вымерли, и даже в случае острой необходимости мне никто не оказал бы помощь, упади я вдруг от чудовищной боли посреди мостовой, поскольку и звать было некого.

В темноте я немного ошибся и повернул не в ту сторону. Жилище Ратта осталось позади, незамеченное мной, а дверь одного из домов, мимо которого я ковылял, отворилась. На пороге мелькнула фигура дамы в черной вуали. Она что-то сказала прощавшемуся с ней господину и стала быстро удаляться по переулку совсем одна. Забыв о враче, я бросился за ней. Какая-то непонятная сила тащила меня вглубь мадьярского города, лишая рассудка и воли.

Преследование закончилось быстро. Таинственная незнакомка резко остановилась и, не поворачивая головы, спросила вполголоса:

– Вы снова требуете денег?

Меня колотило сильнейшей дрожью, и пот градом лился по лицу. Дышать стало невозможно. В таком состоянии я не мог говорить.

– Что ж, повторяю: я расплачусь за него. Когда – не знаю, но можете в этом не сомневаться. Разве моего слова недостаточно?

Ответа на тираду не последовало. Незнакомка, взглядываясь в темноту, заметила меня. Но я не был тем, кого она ожидала встретить.

– Неужели... Вместо очередного мучителя ко мне пришел щедрый и благородный юноша, способный защитить меня?

Удивительно, но женщина не испугалась, обнаружив на совершенно пустой улице незнакомого человека, следовавшего за ней через всю округу и не проронившего ни слова. Абсолютно спокойная за свою жизнь, она усмехнулась и снова направилась по дороге впереди меня, уже не оборачиваясь. Помню, я сорвался с места и тут же нагнал ее, а дальше... Дальше свет залил мне глаза, потому что наступило яркое утро.

Очнувшись в особняке на мягкой кровати, которой мне не хватало в детстве, я пришел к выводу, что просто крепко заснул. Никакая боль уже не мучила меня, и голова давно перестала кружиться. Просто ночное видение. Станный, правдоподобный сон. Иллюзия нездорового сознания. Я радостно выдохнул.

Солнце светило мне прямо в окно. Марсель поспешно задернул шторы. Подходил к концу теплый весенний день. На улицах еще резвились дети. Гуляли красивые пары. Жизнь была в Пеште ключом. Каждый радовался наступлению цветущего апреля. Одевшись, я мельком взглянул в зеркало. Как же хорошо выглядело мое отражение! Яркий румянец, стройная подтянутая фигура, блестящие глаза – не стыдно заявиться к кухне Хаймнера и произвести лучшее впечатление, старательно скрывая свои изъяны, о которых им вовсе необязательно знать. Довольный собой, впервые за долгое время, я спустился в столовую. Слуги, наверное, еще занимались ужином, раз никто не попался мне на глаза. Напевая что-то веселое, я обернулся к растерянному камердинеру.

– Мне лучше, Марсель. Клянусь, мне стало лучше!

Оказавшись в кресле, я развернул лежавшую на столике стопку газет. Бесконечные буквы быстро утомляли глаза, содержание объявлений навевало скуку, и я отбросил гладкие листы с ужасным запахом краски, предпочитая немного подумать о событиях грядущего вечера, который сулил приятное знакомство и общение с новыми людьми.

Марсель проводил Хаймнера в гостиную. Слишком увлеченный потоком мыслей, я не заметил его прихода.

– М-да. Какие странные новости порой наступают нас по пути из дома, – медленно произнес мужчина.

Я все еще молчал, витая где-то посреди весенних облаков.

– О чем вы, сударь? – поинтересовался камердинер, заметив мое равнодушие к гостю.

– Госпожа Мадай, – уточнил отцовский друг, присаживаясь. – Загадочная история взбудоражила город.

– История?

– Точно. У нее имелись кредиты в моем банке, она была близка к разорению, однако я и не предполагал, что все завершится настолько трагично.

Оставив размышления, хозяин дома, наконец-то, взглянул на банкира.

– Да-да, граф, – кивнул мне Хаймнер.

– Помилуйте, что же произошло? – раздался голос Марселя.

– Говорят, минувшим вечером она возвращалась к себе домой через восточное предместье. Почему-то пешком, не пожелав воспользоваться экипажем. Была причина, наверное.

– И что же?

– Она благополучно пересекла несколько кварталов, после чего вблизи рыночной площади на одном из переулков кто-то погнался за несчастной и настиг ее.

– Вот как? – искренне удивился слуга. – Неприятный момент.

Безотчетный страх полностью завладел моим сознанием. Озираясь по сторонам, я дрожащей рукой прикрыл побледневшее лицо.

– Эти слухи основаны на показаниях какого-то случайного прохожего. Он якобы присутствовал на месте преступления и все видел, но так перепугался, что убежал без оглядки, оставив бедную женщину на милость убийцы.

– Ее убили? – поразился я, замирая в кресле.

– Да, к сожалению, – пожал плечами гость. – Нападение было со спины, лицо мерзавца она вряд ли успела разглядеть. Никакого шума, криков... Ничего. Жители соседних домов крепко спали.

– Чудовищно, – прошептали мои губы.

– Хорош же свидетель! – фыркнул камердинер. – На его глазах совершается злодеяние, а он и деру дал.

– Постовой обнаружил тело уже на рассвете, – закончил краткий рассказ Хаймнер. – Впрочем, пора перевести тему. Вижу, что граф не слишком-то заинтересован моей историей.

– Я... Просто... Взволнован немного.

– Жутковато, согласен. Пешт – тихий город, здесь редко происходят подобные вещи. Конечно, люди не привыкли к такому. И тем не менее, злодеяния случаются каждый день, только мы не замечаем их. Зачем тревожить драгоценный покой? – философски подытожил мужчина.

Марсель предложил гостю чай, тот с радостью согласился, и после мы отправились с ним на ужин к его кухне. Среди приглашенных оказался и доктор Ратт, бурно обсуждавший трагическую кончину госпожи Мадай. Он полагал, что на самом деле она задохнулась, но не вследствие преступных действий неизвестного, а из-за ужаса, парализовавшего жертву. И никакого нападения не было вообще, все это фантазии неграмотной черни. У Мадай случился удар, повторял знаменитый врач, поскольку она панически боялась банкротства, и благодаря подобной версии он вызывал у Хаймнера и его родственников еще большее восхищение, чем прежде. Я не дослушал их беседу до конца, слишком глубоко потрясенный обстоятельствами гибели несчастной дамы. Сильное беспокойство владело мной, я не мог с ним справиться.

Марсель убеждал прислугу в том, что выходить вечером на городские улицы не опасней, чем днем. Мадай совершенно напрасно не поехала в экипаже, хотя имела возможность; очевидно, что с ней расквитались по причине долгов. Я устал от их бесконечных разговоров на данную тему и запретил упоминать об убийстве в доме. Впрочем, как и врач, я был уверен, что мы имеем дело с обычным несчастным случаем, не более.

Через неделю доктор Ратт принял меня в своем кабинете. Отчего-то волнуясь, я поделился с ним переживаниями по поводу здоровья, упомянул о долгой поездке в горы на родину отца, где едва не погиб, скатившись кубарем по склону, и теперь ненадолго оказался в Пеште просто потому, что не тороплюсь обратно в замок. Врач выслушал меня, не перебивая, после чего, улыбнувшись, попросил подробнее рассказать о приступах, их частоте и силе. Я говорил с неохотой, боясь, что он сочтет меня сумасшедшим. Хмурясь, мужчина потирал седые виски, хотя лет ему было немного, и периодически оглядывал стоявшие на полках книги, словно надеялся отыскать в них ответ на ведомые лишь ему вопросы.

– Чувствительность к свету, боязнь солнца, тонкая мраморная кожа... – медленно произносил он, задумчиво рассматривая мои запястья. – Бессонница, растерянность, страхи... У вас бывали случаи агрессии или потери памяти?

Я пожал плечами.

– Не знаю.

– А поражения покровов, напоминающие ожоги?

– Днем?

– Да, когда светло.

– Такое, увы, не редкость, – вздохнул я, отводя глаза. – Особенно в последние годы.

Он погрузился в мысли и некоторое время молчал.

– Это похоже на пеллагру, граф, – выдал, наконец, доктор Ратт. – Или на волчанку. Я поставил бы вам такой диагноз, но-о-о...

Пауза затянулась.

– Но что?

У меня похолодела спина.

– Здесь возможна роль и наследственного фактора. Господин Хаймер много раз упоминал о вашем отце. Я не знал покойного графа лично, он останавливался в Пеште не так часто,

однако из разговоров, насколько мне известно, напрашивается вывод о том, что он отличался весьма экстравагантным поведением. Вы не предполагаете, что отец мог переносить такой же недуг?

– Вполне вероятно. Не уверен. Мы мало общались с ним, я боялся и не понимал его. Наши отношения так и не смогли наладиться.

Собеседник кивнул.

– Ненавижу его замок, – продолжал я, – который отталкивает безжизненностью, мрачными лабиринтами, тайнами, а самое главное – гигантской величиной, будто в любой момент окажешься проглоченным. Это жуткое место. С радостью избавлюсь от него.

– А ваши слуги?

– Я отказался от них еще до отъезда. Марсель наберет мне новых. Лишь бы они были добрыми жизнерадостными людьми, которые уважают работу по дому, а не ищут легких денег, выполняя поручения спустя рукава...

– Согласен с вами, граф. Кстати, я наслышан о Марселе. Хотелось бы и мне иметь похожего камердинера, – улыбнулся мужчина.

– Но скажите, доктор, значит, все-таки это не пел... лагра? – вернулся я к мучившему меня вопросу.

– Вполне вероятно. О характере подобных заболеваний известно мало. Они встречаются редко и обычно поражают лишь бедняков. Не в обиду вам, уважаемый Радиш. Я только делюсь наблюдениями медицины.

– Но это ведь незаразно? Никто из моего окружения не страдает, как я.

– Нет, не думаю. Болезнь живет внутри вас. Для других она, скорее всего, безопасна. Вам следует беречь себя, больше отдыхать, меньше волноваться. Старайтесь избегать солнечных лучей, особенно в летние месяцы. Я бы на вашем месте не рисковал и покидал дом только вечером.

Тяжелый вздох сорвался с моих губ.

– Я проклят и обречен.

– Вы так уверены, граф? В мире существуют болезни гораздо хуже. Сейчас я пропишу вам кое-что, вы успокоитесь, поспите, а потом отправитесь в замечательный город. Вы молоды, очень богаты, нужно развеять бессмысленную тоску. Хватит с вас переживаний.

Размеренный голос Ратта заставлял меня подчиняться его воле. Возражать уже не хотелось. Он протянул мне листок с какими-то латинскими названиями, тепло улыбнулся и кивнул.

– Если вы горите желанием услышать противоположное мнение, я посоветую вам обратиться за консультацией к моему коллеге Градовскому из Варшавы. Слышали о нем?

– Нет, – тихо ответил я.

– Нет? Хороший вариант для вас. Некоторые называют его шарлатаном, вымогателем крупных сумм денег. Однако Градовский пристально изучает необычные недуги – конечно, в контексте фольклора. У него собрана коллекция самых древних травников в Европе. Скорее всего, он свяжет вашу болезнь с какой-нибудь фантастической историей. Родовой тайной князей Радиш.

– Вы не верите в подобное?

– Нет-нет, граф. Я врач. И считаю, что все в нашем мире поддается объяснению. На вас не наложено никакое проклятье, это чушь! Выдумки. Если только вы сами не начнете убеждать себя в обратном.

– А видения, сны? – удивился я позиции Ратта. – Мне говорили, что они опасны, что демоны управляют нами в темное время суток.

– Радиш, в каждом из нас живет и демон, и ангел. Идеальных людей не бывает. Вы же не подозреваете, что болезнь появилась из-за обычного сна, пусть и в дневные часы? Нет никого, кто не отдыхал бы или ночью, или утром, как в вашем случае.

– Спасибо, доктор. Вы сильно повлияли на меня. И все же я хотел бы понять, почему должен вести образ жизни подобно филину или... Или летучей мыши. Ведь я человек!

– Разумеется, вы человек. Да, у вас редкий случай в медицине, не описанный должным образом, но когда-нибудь мы обязательно научимся его исцелять. И даже сомнительные личности вроде Градовского окажут нам в этом содействие. Наука движется вперед.

– По-вашему, я не страдаю *somnus ambulo*?

– Многие разговаривают и двигаются во сне. Для вашего организма такое поведение является нормой. Вы пережили смерть отца, нежелательное путешествие, наслушались ерунды у цыган. Вас едва не раздавило камнями. К тому же, по вашим словам, преподобный Гектор остался вами недоволен. Это звенья одной цепи. Вы впечатлительны и расстроились. Некий химик по фамилии Райхенбах, пару лет изучающий душевные патологии, то есть нарушения, смог бы поведать о ваших горестях более подробно. Вернее, об их связи.

– Мерзкие создания... Ночные твари не могли заставить меня стать таким? – спросил я, вспомнив о случае в горах. – Ведь прежде мои приступы не зависели от полнолуния. Они протекали хаотично.

– Я не наблюдаю здесь закономерности. И вы не убеждайте себя в подобном. Просто больше отдыхайте. Исключите газеты, не мучайтесь понапрасну. Съездите в Вену, мой друг. Её ночные увеселения пойдут вам на пользу. Сами не заметите, как приободритесь. В вашем возрасте, граф, рано думать о смерти.

Взглянув на Ратта, я удивился его пронизательности. Беседа с врачом навсегда осталась в моей памяти. Я был так благодарен ему за все, только не знал, как выразить свое восхищение.

Заниматься поисками Градовского мне не хотелось: я решил отложить нашу встречу на более подходящий момент. К тому же, меня не слишком привлекал восточноевропейский эпос, и я опасался, что познания специалиста в столь загадочной области вынудят меня пугаться собственной тени. Человеку с неустойчивой душевной средой подобные потрясения были противопоказаны. Если бы я и мог у кого-то лечиться, то только у доктора Ратта. Его размеренный, спокойный тон открывал передо мной дорогу к свету. Дорогу, которую я давно потерял.

Глава 4. Вена

Тем вечером мы прибыли в Вену – столицу огромной империи, простиравшейся едва ли не на половину Старого света. Уставший и измученный, я рухнул в номере отеля на роскошную кровать и забылся тяжёлым сном, в котором миллионы точек неистово мерцали на кружащемся чёрном фоне. Марсель по-прежнему занимался моими финансами, я полностью доверял ему, лишь изредка сверяя счета и делая необходимые пометки. На другой день он нанял рабочих, которые перенесли все наши вещи в особняк на одной из центральных улиц, добавили кое-какие предметы мебели в гостиную, действовали слаженно и аккуратно. Мой энергичный управляющий не упустил из виду ни единой детали, на его вкус и чувство гармонии можно было положиться – особенно теперь, когда мне самому ничего не хотелось. Недуг окончательно завладел мной, аппетит пропал, я постоянно лежал, умоляя зашторить окна, как можно плотнее. В голове били маленькие молоточки.

Я не помнил ни дня, ни месяца. Кажется, на смену весне приходило засушливое лето. Ночью створки в моей спальне были широко распахнуты, потому что в тот год стояла невыносимая духота, каждый день гремел гром. Воздух пропитался терпкими цветочными ароматами, заставляя мои мысли плыть в неясном океане смятения ещё сильнее.

Один раз в преддверии полночи я с трудом доплелся до окна, чтобы прикрыть его. Грохот экипажей, спешащих на очередную бал, не давал мне заснуть. Внезапно, сам того не желая, я по очереди поставил свои ноги на раму и сел в проеме, оглядывая перспективу тёмной улицы. Кое-где она освещалась фонарями, но эти огоньки были слишком тусклыми и неверными, чтобы разобрать в их мерцании истинное величие города. Я пристально рассматривал бульжники на мостовой, блестящие от прошедшего дождя в редких желтоватых лучах, потом захотел вернуться в комнату, не рискуя оставаться в подобном положении и дальше, опасаясь падения со второго этажа, но стоило мне пошевелиться, как ноги сами заскользили куда-то вниз, вдоль гладкой стены, и, не успев опомниться, я уже оказался на холодных округлых камнях.

Я не упал вниз, а просто съехал подобно куску масла, и это напугало меня, как любая вещь, которой я не мог понять. Вдалеке послышался стук подков и скрип больших неповоротливых колёс. Экипаж приближался в сторону моего особняка. Помедлив, я бросился бежать по улице, боясь, что венские аристократы заметят меня не обутым и в нижнем белье, а слуги, стоит мне постучаться в дверь, отворят слишком поздно. Позора я пережить не мог, ведь только обосновался на новом месте и хотел провести здесь хотя бы несколько лет, надеясь, что обычная суета и блеск общества смогут отвлечь меня от многочисленных проблем со здоровьем, вернут интерес к жизни, заставят взглянуть на мир иными глазами.

Я убежал всё дальше и дальше в совершенно не знакомый квартал, не разбирая дороги, будто чья-то злая воля волокла меня за собой. Наконец, остановившись, не находя отчёта своим действиям, я увидел перед собой громоздящиеся один возле другого дома, удивительно похожие на мрачных горбатых исполинов. Мимо по мостовой прошагали две фигуры, не заметив испуганного безумца в сгустившейся темноте. Первый, покашливая, хлопнул спутника по плечу и вскоре поднялся на скрипучее крыльцо. Его профиль мелькнул в неясном свете, и мужчина, на миг обернувшись, исчез за разбухшей от сырости дверью. Приятель небрежно махнул ему рукой на прощание и побрел в безмолвный переулочек, ухмыляясь и бормоча что-то под нос. Как завороченный, я последовал напрямик за ним. Незнакомец, тихо напевая про-

тивным гнусавым голосом, изрядно шаркал ногами, не замечая никого вокруг. Я шёл совсем рядом, желая о чем-то спросить его, но вдруг...

Мрак, серая пелена на небе, потолок в спальне. Солнце висело над горизонтом, готовясь отправиться в привычный отпуск. Я лежал и растирал глаза, удивляясь, какая ерунда порой может привидеться во сне больному человеку. Под ногтями у меня скопилась грязь, я поднялся и, по привычке держась за стену, шагнул к приготовленному для умывания кувшину на изящном комодике в углу у зеркала. На удивление я почувствовал себя гораздо лучше. Мучительная головная боль, ноющая внутри червоточина исчезли, словно по мановению руки. Кажется, Вена чудодейственным образом приступила к моему исцелению. Не веря внезапному счастью, я умылся и переоделся. Мне хотелось отправиться на улицу, ведь я устал сидеть закрытым в комнате. Марсель на радостях задушил меня в объятьях и велел приготовить праздничный ужин, включающий только самые излюбленные блюда, но я сообщил, что вернусь позже, и стремительно покинул дом.

Столица преображалась на глазах. Ловя её перемены, я прихватил вечернюю газету вопреки наставлениям врача, лишенный к тому же постоянного контроля со стороны моего дорогого камердинера. Слишком затянулась эта изоляция, необходимо было хоть краешком пальца ознакомиться с последними новостями, понять, чем живет столь невероятный город. Я листал шуршащие страницы, едва разбирая текст, – так сильно занимал меня бурлящий вокруг поток. Наконец, сосредоточившись на заметке об открытии новой галереи, я перевёл взгляд на ближайшую колонку, где публиковались сообщения, связанные с работой полиции, и разные сведения о совершенных недавно преступлениях, особенно волновавших общество. Газета едва не оказалась захлопнутой, дорогу передо мной пересекли две дамы, одетые по последнему слову моды, и я невольно засмотрелся на них, приподняв шляпу, но странная фраза приковала к себе мое рассеянное внимание. «Помощник банкира задержан за жестокое убийство возле старого кладбища.» Отчего-то я пошатнулся, словно мучительная болезнь на миг вернулась ко мне и застала врасплох, так что граф Радиш едва не опустил на теряющую яркие цвета мостовую, жадно впившись глазами в небольшой печатный абзац, на который наткнулся лишь волею случая. Репортер указал, что минувшим утром в одном из не слишком благополучных кварталов на окраине города был обнаружен труп с признаками насильственной смерти, наступившей в результате удушения, причем лицо жертвы, испещренное глубокими царапинами и крупными ссадинами, выражало застывший ужас... Я не мог читать дальше и оперся спиной о стену ближайшего здания. Ко мне подошёл какой-то человек и спросил, не нуждаюсь ли я в помощи, но был грубо отправлен восвояси. Мой недавний дикий сон будто выплыл из потустороннего мира. Воспоминания мгновенно завладели разумом, я стал задыхаться, прекрасно, впрочем, понимая, что подозреваю себя совершенно напрасно. Любой подтвердит, насколько я болен... Преодолеть такое расстояние, совладать с крепким мужчиной, беспощадно убить его – один! в темноте! – Радиш неспособен на подобный поступок даже в случае крайней необходимости. Слишком труслив, жалок и беспомощен. Сейчас по отношению к себе я был настроен беспощадно критично – как никогда. Кто поверит, что эти слабые руки, худая бессильная плоть могут причинить вред хотя бы ребёнку?..

Успокоив колотящееся от ужаса сердце, переведя непослушное дыхание, я вернулся в особняк. Марсель сразу понял, что какое-то событие расстроило и обеспокоило меня. Против воли он уговорил своего побледневшего хозяина сесть за стол, где уже всё было приготовлено наилучшим образом, и мягким тоном перечислял расставленные блюда. Я принялся за еду не потому, что был голоден, но по привычке, по убеждению в необходимости хоть чем-нибудь перекусить. Пища источала удивительный аромат – множество прекрасных ароматов,

они смешивались, и я уже не мог различить их. Впрочем, на вкус она не представляла собой ничего изысканного, не приносила мне знакомого удовольствия, отдавала нестерпимой горечью, так что я зажал рот салфеткой и поспешно отодвинул тарелку. Жоржетта, различив мой многозначительный жест, испуганно попятилась назад к проходу. Как и все слуги, она боялась гнева молодого господина, но я сидел неподвижно и заставлял себя подавить подкативший к горлу комок. Мне пришла мысль запить его вином из бокала, однако рука дрогнула, словно нарочно, и жидкость разлилась по скатерти между тарелок. Девушка, весьма неуверенно подойдя к столу, принялась убирать бесформенное пятно. Я справился с собой, молча поднялся и пошел в спальню.

– Господин граф не доволен ужином? – прошептала служанка, но я отчетливо расслышал ее на расстоянии и обернулся.

– Все прекрасно. Я просто не хочу есть.

Голос у меня оказался странным и скрипучим, будто спицы большого колеса застряли в связках. Выдохнув, я запер дверь комнаты на втором этаже. Что-то внутри раздирало душу от волнения, но постичь этой тревоги я не мог.

Заканчивался первый месяц, проведенный в австрийском муравейнике. Его я провел так же бесполезно, как и многие другие дни своей никчемной жизни. Гулял по улицам, заглядывал в окна домов, изучающе рассматривал незнакомых людей всех сословий и национальностей. Подолгу страстно размышлял, пробовал сочинять стихи, немного писал картины. Искусство, посещение выставок и театра развеяли мои сомнения, приглушили старую боль и постепенно стерли из памяти переживания прошлых лет, тревоги, заботы, безысходность. А ночи тем временем становились все яснее, как обычно и случается в приближении полнолуния... Воздух наполнился почти осенней прозрачностью, и в моих внутренностях, когда я уже едва не позабыл обо всем, что приключилось со мной в Валахии и после, с прежней истачивающей болью начала раскатываться черная густая бездна. Я был обречен на повторяющиеся снова и снова муки и в одно мгновение вновь захотел умереть.

Вопреки заботе Марсея, граф Радиш оставил ненавистную спальню и ушел бродить по лабиринту далеких переулков в гордом одиночестве. Мне надоело, что мои страдания наблюдают и управляющий, и другие подчиненные, и неминуемо заметят те немногие приятели, которых я успел завести в высших венских кругах. Их сопереживание стало мне ненавистно, и когда они по очереди начинали меня жалеть, я был готов провалиться сквозь землю вместе со своими мелочными размышлениями.

Горный ветер неистовал в ушах, срывал мантию, заставлял пятиться назад. Я свернул куда-то, не замечая прохожих: в висках грохотала тяжелая кувалда, живот скрутило тонкими цепями. Мои шаги били ей в такт, сводили с ума. Пришлось остановиться. Передо мной простирался очередной незнакомый квартал, здесь обитали бедные рыбацьи семьи, промышлявшие на Дунае уже много поколений. Стены пошатнувшихся от времени зданий насквозь пропахли сырым уловом, окна выглядели скорбно от толстого налета сажи и копоти. Я стоял один довольно долго, пытаясь унять приступ боли, а редкие огоньки беспорядочно вспыхивали и исчезали в надвигающемся море тьмы.

На другом конце улицы раздались шаркающие шаги, я прислушался к ним не сразу. Через несколько минут мне пришлось последовать за невидимым путником в надежде, что он выведет меня хоть куда-нибудь. Спотыкаясь на каждом булыжнике, словно пьяный, я хватался руками за скользкие стены и брел в неизвестном направлении, пока, наконец, не ощутил

сильную сырость и ужасные ароматы сточных канав. Мы оказались на совершенно пустынной набережной, где стараниями рыбаков вырос небольшой причал.

– Что привязался? – крикнул озлобленный голос почти у моего уха, и я подскочил на месте, перепугавшись.

В нескольких метрах от меня ковыляла сгорбленная фигура, от которой разило тинной. Хриплый и раздраженный тон не дал мне понять, кем является этот человек, да и пребывал я в состоянии полного равнодушия к нему, поскольку меня занимало только вновь искалеченное здоровье – и никакие иные проблемы. Устав, я присел на перевернутую лодку. Прохожий направился ко мне, но я заметил его приближение слишком поздно. В руке у бедняка что-то блеснуло...

Лунные лучи скользили по глади знакомой стены. Я оторвал от неё лоб и запрокинул голову. Надо мной виднелось распахнутое окно оставленной накануне вечером спальни. Я находился у своего особняка, не понимая, куда подевался причал с легкой пеленой тумана и тошнотворный запах гниения, который я застал только что, буквально минуту назад. В пред-рассветные часы светская кутерьма уже улеглась, город был пуст и одиноко. Заструился теплый дождь. Отбросив бесконечные страхи, я взялся рукой за белый камень. Мои тонкие длинные пальцы удивительно точно нащупали каждый изъязв поверхности, казавшейся почти идеальной. Они будто вросли в структуру здания, стали его частью, и, с трудом сумев их оторвать, я быстро прижал к себе руку. Затем попробовал снова, ухватившись на сей раз и левой. Мои плечи поползли вверх, я встал на носки. Обутые ноги, впрочем, не зацепились за стену так, как могли бы, но несмотря на это обстоятельство, я удерживал свой вес на пяти пальцах, и мне не понадобилась иная опора. Движение за движением, переставляя руки все дальше и дальше от земли, я очутился в проеме окна. Лег на кровать и мгновенно заснул.

Чудесные салоны и банкеты сменяли друг друга. Марсель заказал для меня лучшие костюмы, нанял быстрый экипаж с вороной двойкой и по своему обыкновению заведовал в доме абсолютно всем, потому что я не мог заставить себя привести дела в порядок самостоятельно. И теперь отговоркой служили приготовления к большому городскому балу, на котором должен был выступать знаменитый оркестр. Дирижировал им одаренный молодой музыкант из композиторской династии, но волновало меня не знакомство с ним, а ослепительное венское общество. То, как оно примет в свои круги молчаливого созерцателя, мало похожего на рассыпанные вокруг бриллианты местной аристократии, как выстроит будущий контакт с замкнутым представителем одного из древнейших восточноевропейских кланов – и вообще решится ли осуществить подобный шаг? Что скажут обо мне привилегированные особы? Захотят ли увидеть графа Радиша в сложившихся кругах избранных лиц?..

Вытирая холодный пот, я стоял в набитом людьми углу, не смея проронить ни слова. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Знатные богачи вели непринужденные беседы, смеялись, шутили, успевая передавать друг другу тайные послания, обменивались колкостями, плели интриги, смеялись снова, погруженные в непонятные мне дискуссии. Я наблюдал за ними, силился уловить смысл обсуждаемых тем, но чувствовал себя изгоем, который мыслит на чужом языке. Наконец, нетвердой походкой я направился к лестнице, чтобы покинуть роскошное здание. Глубокое разочарование тенью лежало на моем лице. Замкнутый господин рассчитывал обнаружить здесь нечто большее, чем тлен и фальшивые улыбки.

Неожиданно у выхода в меня буквально влетел запыхавшийся юноша. Его светлые глаза уставились на мой костюм, он торопливо извинился, горячо пожал руку и жестом пригласил к своей компании. Через пару мгновений граф Радиш оказался в плотном кольце любопытных

глаз – тех, кто до этого добрые три четверти часа не замечал моего присутствия, будто я оставался для них невидим.

– Эрнест, представьте нам компаньона, – услышал я голоса нескольких мужчин.

Помедлив, юноша смущенно обернулся, его покрасневшие от беготни щеки пылали. Мне пришлось самостоятельно назвать свое имя. Узнав, откуда я прибыл, собеседники засыпали меня вопросами: надолго ли граф в столице, где остановился, какое дело привело его сюда. Я отвечал мало, очень сдержанно, и вскоре затерялся среди толпы. На смену мне пришли новые герои. Решив во что бы то ни стало уйти с бала, я вновь направился к выходу. Подоспевший Эрнест задержал меня.

– Куда же вы, дорогой друг? Нельзя вот так уйти, у нас это не принято.

Я промямлил что-то на его речь, но он потянул мое плечо и усадил за столик подле расположившихся на очаровательных диванчиках венских дам, чьи приторные ароматы складывались в прочную завесу шепота и взглядов. Я незаметно переводил внимание с одной женщины на другую, старательно изображая, что рассматриваю свои пуговицы. Да, сегодня я был хорошо одет. Еще лучше, чем обычно, – спасибо за это Марселю.

Эрнест склонился в приветствии, выдал несколько учтивых фраз и не замедлил представить меня знакомым его барышням. Я тут же поднялся и поцеловал протянутые руки. Вряд ли озвученное вслух происхождение показалось им настолько экзотическим, ведь в Вене в те годы кто только ни обитал, но особа в светло-золотистом платье, окинув меня скучающим взглядом, начала расспрашивать что-то о принадлежащих моему роду землях и замках в горах. Я ограничивался короткими фразами, стесняясь своего провинциального выговора, и вскоре совсем умолк.

– Перестаньте, Роза, вы его смутили, – услышал я тонкий шепот за столом.

Эрнест в это время беседовал с ближайшей к нему дамой и, разумеется, угадать подобной фразы не мог. Но только не я.

– А вы?.. – еле заметно усмехнулась Роза с негодованием.

Я посмотрел на ее собеседницу и только тогда явственно ощутил пристальный, если не сказать тяжелый взгляд, обращенный ко мне из-под густых ресниц. Через минуту столь неприкрытое любопытство вызвало у меня дискомфорт, я потер лоб рукой и уставился на женщину совершенно нагло, как, наверное, никто не позволял себе смотреть среди многочисленных присутствующих – даже имея на то вескую причину. В негласной дуэли я вышел победителем и пожинал плоды гордого самодовольства, ибо по сути больше ни на что не был способен.

Время шло, последовали танцы. Я прирос к стулу, задумавшись о какой-то ерунде. Эрнест, уже успевший поучаствовать в той составляющей бала, которую я так не любил, потому что считал всякие кадрили и мазурки вульгарными, слегка толкнул меня в плечо.

– Граф, пригласите Элоизу, она ждет вас.

На мое растерянное безмолвие он повернулся к диванчику: та особа, что изучала меня чересчур не осторожно, учтиво улыбнулась. Я поднялся с приятного сиденья и неохотно, только потому что новые знакомые были свидетелями подобной сцены, позвал Элоизу на очередной вальс. Мне показалось, что она не хочет идти танцевать так же, как и я, только выбора никто не предоставлял. Мы отдали долг этикету и поскорее разошлись. Я уже было решил, что неприятности на сегодня остались позади, и хотел смочить горло шампанским, как рядом со мной в очередной раз возник вездесущий Эрнест. Он незаметно вручил мне записку и удалился. Я прочел ее, не торопясь.

Странно: Элоиза просила у меня разговора. Причем не официально, пригласив на званый ужин либо салон в какой-нибудь особняк, а буквально сейчас, через четверть часа на дальней террасе. Разгневанно смяв бумагу, я закатил глаза. Венские женщины мне определенно не нравились.

Луна давно взошла, ее левый бок был ущербным. Я чувствовал себя неважно, но так ждал городского бала, что не мог его пропустить. Заботливому Марселю пришлось наврать, будто бы здоровье налаживается, однако я отчетливо понимал: новый приступ боли накроет меня с головой через несколько дней. На лбу и висках снова выступит тугая сетка голубых сосудов, появляющаяся от непомерного напряжения. Свет в зрачках потускнеет, кожа покроется постоянной испариной. Обреченность на неминуемую муку толкала в бездну отчаяния.

Элоиза стояла рядом, опираясь руками на высокий парапет. Я молчал, замороженный сиянием огромного мраморного светила над головой.

– Вы можете мне? – с мольбой произнесла дама, но я не знал, о чем она просит.

Все ее слова растворились в благоухании ночи прежде, чем достигли моих ушей.

– Только вы способны помочь мне, граф. Вы человек посторонний, не связанный обязательствами с венской аристократией.

Я кивнул на этот правдивый довод.

– И что мне нужно сделать, сударыня?

– Разве вы не догадываетесь?

В моем разуме не присутствовало ничего, кроме пустоты и лунного света. Не понимая, что должен говорить, я тянул время и наслаждался свежим ночным воздухом.

Элоиза допустила вольность и накрыла мою руку горячей ладонью. Видимо то, о чем она толковала, действительно имело для нее принципиальное значение, иначе она не выглядела бы столь взволнованной и напуганной. Я собрался покинуть ее, потому что она мешала мне созерцать сад внизу и блеск серебряных лучей. Но вопреки моему порыву женщина сильнее сжала пальцы и прошептала, удерживая меня:

– Вы не можете уйти.

Пришлось взглянуть на нее. Наверное, это молодое лицо было прекрасно, но я потерял всякую уверенность, слишком озабоченный грядущей мучительной болью. Элоиза пыталась воздействовать на меня привычными дамскими уловками, однако я оставался невозмутим, словно во мне никогда не существовало ни чувств, ни эмоций. Я смотрел на нее слишком равнодушно, что, разумеется, не могло не задеть бесподобную Fraulein, убежденную в собственной неотразимости. Не знаю, насколько далеко она зашла бы в стремлении заставить меня раболепствовать перед ней, склонить к выполнению каких-то вожденных условий, если бы на террасе внезапно не появился третий персонаж. Высокого роста, широкий в плечах, с мощными длинными руками, он показался мне чудовищем из древних преданий, впрочем, отблески луны развеяли возникнувший миф.

– Вот как... – только и произнес незнакомец, сверля меня большими выразительными глазами.

Элоиза поспешно отдалилась и пожелала что-то сказать, скорее всего, в оправдание, но о мой новый костюм уже ударила белоснежная перчатка.

– Послезавтра в это же время! – словно плюнул мне в лицо молодой Отелло и стремительно скрылся.

На Элоизу он даже не обратил внимания. Как, собственно, и я сам. Мраморный свет разливался по моей спине, когда я, трясущийся от смятения и страха за свою жизнь, с которой

очень часто мечтал покончить, растворился в толпе шумного зала. Мой первый большой выход в венское общество завершился вызовом на дуэль...

Глава 5. Поединок

Марсель заметил, каким равнодушным стал мой взгляд после минувшего вечера. Днем к нам приходил незнакомый человек с блестящими усами и острым носом, однако управляющий объяснил, что я плохо себя чувствую, так как задержался на вчерашнем городском балу, и потому теперь отдыхаю. Кажется, мужчина пожелал некоторое время провести в гостиной, поскольку имел ко мне разговор весьма деликатного характера и несомненно важный, но камердинер, извинившись, заверил, что я проснусь только к ужину, а, быть может, и позже, оттого ждать моей персоны придется долго. Незнакомец сердито пробурчал себе что-то в усы, затем неприятно рассмеялся, скаля зубы, и выпалил:

– Болен он, как же!

Выслушав вечером все подробности, я понял, что в особняк заявлялся человек от моего соперника. Скорее всего, ему нужно было уточнить место проведения поединка, потому что на террасе мы условились с его приятелем или хозяином лишь о времени проведения дуэли. Я погрузился в нарастающую тревогу. И зачем только проклятый Эрнест остановил меня на выходе? Мог же спокойно уйти! Хотя откуда он знал о последствиях?.. Такие чистые голубые глаза не представляли угрозы, не таили коварного умысла. Я был уверен в этом. Да и Элоиза, едва знакомая мне, ставшая причиной скорой вероятной гибели, – что с нее взять? Обычная самовлюбленная интриганка.

Я ощущал медленно возвращавшуюся в мою жизнь боль, но она занимала меня теперь гораздо меньше предстоящей схватки, сулившей одни неприятности. Не помню, чтобы я когда-нибудь с кем-либо дрался, разве что в очень далеком детстве, пытаясь изобразить грозу пыльного сельского двора, или после уроков в пансионе. Ох, и таскали же меня тогда за уши! С тех пор прошла уйма лет, я вырос слабым, чрезвычайно худым, оттого и казался высоким, хотя мой рост едва ли превосходил средний и не выделялся в толпе. Любой мужчина первым же ударом мог выбить из меня душу, а трусливость исключала желание защищаться. Я понимал, что немощен по сравнению с огромным соперником и совсем не похожу на Давида, потому и разделаться с чудовищным Голиафом мне никак не светит.

Марсель присматривал за мной, но я лгал, что чувствую себя лучше. И начинал верить в то, что приступ окажется короче и мягче, чем все предыдущие. Я прочно затворил ставни, чтобы в своих ночных видениях больше не скользить по стенам и не наткаться случайно на прохожих, которые пугали меня, а потом, как в случае с тем служащим банка или несчастной госпожой Мадай, еще и могли оказаться мертвыми. Слишком уж опасные переулки манили меня в период безумных бдений и галлюцинаций, вызванных клокочущей внутри пыткой.

Особняк погрузился в тишину, я отпустил всех спать, а сам засел в рабочем кабинете, где по обыкновению вёл дела только камердинер. Он поддерживал в бумагах идеальный порядок, складывал их аккуратными стопками и всегда знал, какой счёт где находится. Я, ничего не трогая, приготовил чистый лист и составил завещание. Это дело не являлось для меня чем-то новым, ведь я уже не раз набрасывал собственную последнюю волю, готовясь покончить с жизнью, и иногда редактировал ее, обдумывая каждое слово. Сейчас все вышло из-под пера быстро и просто. Родственников у меня не имелось, друзей тоже, поэтому после кончины я передавал управление состоянием в руки Марселю с условием, чтобы он направил часть имущества на благо нуждающимся, в особенности сиротам, вдовам и инвалидам войны. Я желал, чтобы богатство, упавшее мне в руки просто оттого, что я появился на свет Божий с древней

породистой кровью в жилах и кучей болезней в придачу, послужило во имя добра самым незащищенным и отвергнутым людям. А верный камердинер давно снискал мою благодарность – еще во времена отца.

Очень поздно я услышал негромкий стук в дверь на первом этаже. Спустившись и отворив ее, я увидел на пороге остроносого мужчину, уже знакомого мне по описанию слуги.

– Наконец-то! – хмыкнул он. – Я секундант.

Меня несколько не удивили его слова. Я спокойно кивнул.

– Он предоставляет вам выбор оружия. Что изволите?

– Кинжалы, – выдал мой голос после паузы.

– Кинжалы? – переспросил незнакомец.

Он, кажется, хотел возразить, но не осмелился.

– Сегодня никак нельзя, увы. Приносим извинения за неудобства. Но завтра, думаю, всех устроит.

Я снова кивнул. Ночной визитер распрощался и быстро удалился к поджидавшему его экипажу.

Почему-то во мне еще не иссякала надежда, что я смогу отмахнуться от предстоящей дуэли. Жалкий граф согласился бы объясниться с Отелло – так я мысленно прозвал своего соперника – и попросить прощения за... То, в чем абсолютно не был виновен. Как странно: теперь мне хотелось жить, когда подкатывавшая боль выпивала до дна все силы, все соки, терзала каждый фрагмент плоти и ожесточенно разрушала внутренности – до тех пор, пока внешне не наступит новое облегчение, и я снова не посмотрю на мир проясненными глазами. Может быть, Элоиза вмешается в нелепую ситуацию, заставит мужчину отречься от бездумной схватки. И Эрнест... Мне показалось, что если бы он имел представление о грядущей глупости, то обязательно попытался бы все наладить и привести к миру. Невооруженным взглядом заметно, что я тяжело болен и неспособен на отстаивание чьей-либо чести. Какой из меня противник? Какое удовольствие можно получить, одержав надо мной победу? Все равно, что толкнуть в грязь подростка, не иначе. Я вешу, как пушинка, и такой верзила, как Карл, запросто поднимет меня за ворот одной рукой. Почему же мне все время не везет...

Я хотел пожалеть себя, но предпочел забыться за чтением. Пить у меня не получалось – в горло едва проходила вода, а другие напитки вызывали сильную тошноту. Начало светать, внизу просыпались слуги, а я наоборот устал и быстро прилег, надежно спрятав завещание до вечера. Марсель не должен был узнать, куда и зачем направляется его господин. Пришлось сочинить историю про важный светский раут, который никак нельзя пропустить. Спальню я запер, ключ взял с собой (дубляж на всякий случай хранился у камердинера) и предупредил, что, если задержусь на всю ночь и не подоспею к полудню, управляющий должен отворить дверь и проветрить помещение, чтобы там не сохранялся спертый воздух. На комод он обнаружил бы мое письмо с распоряжениями.

Взяв первый попавшийся экипаж, я доехал до самой окраины города, где начинался густой лес, и пахло пряными травами. Отпустив извозчика на все четыре стороны, я гулял среди деревьев, потом прошелся пешком на север и через полчаса увидел белеющую во мраке разрушенную стену старого дома. Насколько я понял из описания остроносого секунданта, дуэль должна была состояться именно здесь. Приехав очень рано, я имел в запасе, наверное, целый час и мог позволить себе изучить местность на краю могучего леса и ее особенности, столь важные для подобных поединков, а также морально настроиться на ожесточенный бой, но я забрался по удобному выступу стены и замер, будто представлял собой каменную статую.

Вскоре послышались голоса. Они раздавались еще далеко, однако, на удивление, мне даже удалось постичь смысл отдельных слов. Речь шла о быстроте, беспощадности и внимательности – тех качествах, каких я был напрочь лишен, за исключением разве что последнего, да и то владел им только в случае крайней необходимости. На лужайке появились три фигуры. Одну из них я сразу узнал – большой рост выдавал моего могучего соперника. Другая принадлежала секунданту с усами, третий из присутствующих не был мне знаком. Он говорил юным задорным голосом, в нотках которого звучали переливы сбегающего по отточенным камешкам ручейка, какие я встречал в далеком детстве. Юноша казался пылким и дерзким, его разрезающие воздух движения походили на вспышки молнии. Я передернулся, мне стало страшно, как никогда. Зачем я только пришел сюда, почему не сбежал? С какой стати так слепо надеялся на вмешательство Элоизы, которой я для чего-то понадобился, и защиту Эрнеста, невольного виновника всей трагедии, если они наверняка ничего не знали да и не должны были вступаться за меня?

– Он не явится, – задумчиво произнес мой соперник и подергал подбородок.

– Таких уродов поискать, правда? – отозвался его спутник. – Наверное, у графа оказались на редкость «выдающиеся» родители. Появись у моей жены подобное... Нечто... Я бы утопил его, чтобы не позориться.

– Да что взять, обычный припадочный трус! – воскликнул юноша, взмахнув рукой.

Он собирался продолжить, но я, слишком взволнованный их речью, неосторожно шевельнулся, и со стены посыпалась штукатурка. Троица приятелей обернулась. Они хранили молчание, дожидаясь, пока я спущусь вниз на траву и подойду к ним.

– У-у-у, – мотнул головой мальчишка и чуть слышно добавил: – Карл, на сие хрупкое тело в пору надеть платье.

Едва коснувшись подошвами земли и еще находясь спиной к мужчинам, я догадался, что говоривший присел в реверансе, отвратительно изображая меня. Резко обернувшись, я взглянул на него, и юноша мгновенно выпрямился. В чуть дрожащем свете луны, близкой к полноте, были различимы его почти детские кудри.

– Это можно устроить... – мрачно пробормотал остроносый, теряя звуки в густых усах и не рассчитывая, что я прекрасно понимаю его.

Он намекал на мою скорую кончину и последующее глумление над бездыханным трупом.

– И мы повяжем ему в волосы ленточки, – усмехнувшись после паузы, добавил приятель Карла.

Злоба, от которой я в общем-то всегда был далек, сдавила мою грудь. Что они позволяют себе?! Как смеют?! Даже над теми членами общества, кто предпочитал компании женщин – себе подобных, кто тайком встречался с молодыми людьми, и то не разрешалось так глумиться! Общество оставалось лояльно настроенным к разного рода событиям, и оскорбления на пустом месте не вписывались ни в какой этикет, ни в какие рамки или правила. Я буквально рассвирепел. Так отзываться обо мне только из-за худобы, из-за болезненного вида?.. Или, может быть, причина кроется в том, что Радиш прибыл из бедных, мало знакомых венцам районов Европы, которые несмотря на все свои замки, крестьян, леса и горы кажутся им пустой малопривлекательной безделушкой, способной занимать разве что дикаря? И вопреки моему костюму, особняку, манерам и образованию подозревают во мне неграмотного бедняка? Да, бедняка! – едва не вырвалось из моих уст. Я чудом удержался. Лицо перекосили страдание и мука, меня жгуче снедала боль. Конечно, Валахия – всего лишь разменная монета в спорах великих держав. Никому нет дела до чужих унижений. Они ненавидят меня за то, что я другой. За то, что вижу все иначе – не так, как остальные.

– Прежде чем начать, хочу спросить, не возможно ли примирение между вами? – обратился к нам с соперником остроносый.

Я молчал. Все эмоции застряли в горле. Высокий мужчина тоже не проронил ни слова. Не знаю, кем именно приходилась ему Элоиза, но, наверное, я допустил позавчера нечто ужасное. Простить он меня, конечно, никак не мог.

– Вы пришли один, сударь?.. Нам нельзя более задерживаться. В любом случае, положитесь на нашу честность. Драться будете лишь вы, мы не вступим в схватку, – произнося это, секундант открыл шкатулку с темной бархатной обивкой.

Я увидел лезвия.

– Тут два одинаковых кинжала. Выбирайте.

Он уточнил что-то о ранениях, о принципах, только я уже ничего не слышал. Пальцы прочно сжали рукоятку. В нетерпении высоченный Карл отошел к краю лужайки и обернулся: я был готов.

Насмехаясь над моей неуклюжестью, он наступал на меня, ничего не предпринимая. Я выставил руку вперед и шарахался от него, двигаясь по кругу. Так мы и ходили туда-сюда: он надвигался будто гора, осуществляя редкие издевательские выпады, припугивая меня одним своим видом и грозно усмехаясь, а я пятился назад, сохраняя дистанцию, и пытался уловить момент, чтобы нанести ему удар. Если бы Карл захотел, то в миг полоснул бы мне по горлу, достав своей длиннющей рукой. Но он тянул удовольствие, мрачно потешаясь, прежде чем раздавить меня, как беспомощное, хрупкое насекомое.

Дымка рассеялась в порыве ветра, луна ярко озарила поляну. Во время исполнения очередного нахального пируэта, жестом разрезая прохладный воздух, верзила неожиданно поскользнулся на траве и потерял равновесие. Впрочем, я отпрянул далеко, не собираясь пользоваться счастливой возможностью: сердце стучало в ушах, ноги подкашивались. Я очень боялся. И очень злился... На свою трусость. Никогда прежде Радиш не чувствовал себя настолько жалким.

Карл смог удержаться благодаря выставленным вперед рукам и тут же принял исходную позицию – он не упал, а только качнулся массивным, тренированным телом. Его кинжал на секунду сверкнул лезвием у самой земли и случайно порезал мужчине пальцы.

– Черт! – выругался соперник, поднося руку ко рту, и резко направился в мою сторону огромными шагами: затянувшаяся игра подходила к концу.

Запах свежей горячей крови парализовал меня. Секунданты начали что-то подсказывать, но Карл отмахнулся. Еще несколько секунд – и моя жизнь неминуемо оборвалась бы на окраине Вены. Но дальше... В последний критический момент произошло нечто, совершенно безумное. Я ударил мужчину лезвием быстрее, чем тот мог сообразить, что же случилось. Алая жидкость пульсирующим потоком хлынула на белую подлунную траву, и я жадно поглощал еще не остывшую влагу, при виде которой запросто потерял бы сознание, даже не понимая, что делаю. Противник в ужасе ухватился за мой сюртук: я слышал, как трещали швы на подкладке, словно древние ветви, не выдержавшие порывов безумного урагана, – все же он отличался силой и громоздкостью, вот только отшвырнуть меня так и не сумел. Я наливался мощью, будто орошенный цветок в лучах весеннего солнца. Какое глупое сравнение! Хотя мою сумасшедшую голову вряд ли могла посетить более подходящая мысль. Огромный Карл отчаянно уперся в плечо графа Радиша, но его рука почти сразу же безвольно повисла. Я вонзился в широкую шею, откусил ему ухо и швырнул тело на землю, когда нужный мне объем крови иссяк. Вокруг с бешеной скоростью разливалась звенящая симфония ночного кошмара.

Подняв глаза, я ощутил застывший запах смерти. Слишком неповторимый, чтобы его описать. Слишком выразительный и бесконечно леденящий. Секунданты стояли напротив меня, не шелохнувшись. Их буквально обездвигила картина нестерпимой жути, свидетелями которой они стали за этот короткий миг. Первым сбросить оковы оцепенения получилось у бесстрашного юноши: он ринулся ко мне с душераздирающим воплем. Я легко протянул навстречу пальцы и одним мимолетным движением свернул ему шею. Остроносый мужчина вскрикнул, пятась назад, беспомощно хватая пальцами воздух, повернулся и успел сделать несколько торопливых шагов. Буквально подлетев к нему сзади, я прыгнул несчастному на плечи и с силой ударил оземь.

– Ленточки хотел повязать? – прорычал дикий, чужой голос.

Чудовищная, разинутая пасть вгрызалась в потную шею, а острые когти, сверкая от капель росы, рвали на куски одежду и плоть.

– Возмездие явилось! – орал зверь, и луна на небе стала багровой.

С громким мучительным стенанием я сел на кровати в своей комнате. Лампа почти догорела. Кувшин отбрасывал длинную тень на запертую дверь. Комодик в углу, зеркало, стул, книги. Чуть приоткрытое окно с плотными расшитыми шторами... Мое взмокшее тело содрогалось от страха, волосы на лбу слиплись. Было безумно жарко. Я откинул в сторону одеяло, шатаясь, подошел к кувшину и старательно умылся.

– Боже мой, Боже мой! – механически повторяли пересохшие губы, не поддаваясь стремлению умолкнуть, и мне пришлось зажать их кулаком.

Только теперь я увидел, что по какой-то причине нахожусь в одних кальсонах, все другое облачение бесследно исчезло. Опустившись на измятую, спущенную до пола простынь, я попытался успокоиться и перевести дух. Обычный дурной сон, не больше. Из-за моей впечатлительности что-то может пойти не так, врач ведь предупреждал меня в Венгрии. Расстройство сновидений, путаница в мыслях, нарушение памяти – от недуга многое способно измениться. Эх, чудесный, невозмутимый доктор Ратт, целитель моей больной и скорбной души! Я старался вспомнить его слова, звучавшие спокойно, очень уверенно... Прошло несколько минут, дрожь в ногах начала ослабевать.

Далеко за стеной послышался легкий шорох. Я решил, что мне мерещится едва различимый звук шагов, но вскоре деревянные ступеньки на лестнице отчётливо скрипнули. Кто-то неуверенно приближался к моей спальне и замер возле порога. Встав с постели, я внимательно прислушался. Раздался слабый стук в дверь, заставивший меня вздрогнуть, и тут же всё стихло. Воцарилась мёртвая тишина.

– Кто там? – спросил я негромко.

Кажется, этого вопроса не ожидали.

– Говорите! – прохрипел мой изменившийся от тревоги голос.

– Господин граф, у вас всё в порядке? Простите, что беспокою, – к счастью, я узнал Жоржетту.

– Да. А у вас? Что-то стряслось? – диалог продолжался через закрытую дверь.

– Нет-нет, просто я слышала...

Мне хотелось отворить ей, поскольку я боялся, что она кого-нибудь разбудит, впрочем, отсутствие одежды не позволяло сделать подобного. Быстро оглядевшись, я взял с кровати одеяло. Оно показалось слишком большим и тяжелым. Кое-как закутавшись в него, я вернулся к двери и покрутил ключ в замке. Служанка глянула на меня из коридора, растерянно извинилась и, решив далее не допытываться, хотела вернуться на нижний этаж, но я пригласил

ее в комнату, заверив, что она не доставит мне никаких неудобств. Жоржетта робко прошла в спальню, и я закрыл за ней дверь.

– Я была внизу, услышала вас и испугалась.

– Услышали?.. А, ну да. Мне привиделся кошмар, – кивнул я, невольно передернувшись.

– Нам всем... Нам так жаль вас, господин граф. Вы так страдаете от своей... От своего...

– Не надо об этом. Лучше бы мне никто не сопереживал. Я чувствовал бы себя увереннее и спокойнее, – перебив девушку, ее хозяин расположился на кровати. – Садитесь.

Помедлив, она в нерешительности опустила на самый краешек простыни.

– Сегодня еще более душно, чем обычно. Люди уже встают?

– Нет, пока слишком рано. На кухне начинают работать с шести.

– Тогда почему вы не спите?

Я изучал ее лицо в тусклом свете лампы, по-видимому, чересчур долго и пристально, отчего Жоржетта, съжившись, смотрела куда-то на пол, не отвечая мне. Свет в углу вспыхнул и погас.

– Я сам зажгу, – опередил я служанку и прошел по комнате в бесформенных спадающих доспехах, словно незадачливый рыцарь.

Свечи лежали в ящике комода, на ощупь я достал несколько штук и провел фосфорной поверхностью спички о стену. Пламя ослепило меня. Кажется, в нем не было столь острой необходимости, и все же я поднес руку к ожидавшему на подставке фитилю. Небо на востоке постепенно изменяло цвет: оно уже не отличалось глубокой темнотой, через полчаса чуть выше линии горизонта забелеет тонкая призрачная нить, предвещающая скорый восход. Вряд ли Жоржетта чувствует это, усмехнулся я про себя, возвращаясь на место. Теперь в спальне стало слишком светло, но через пару минут я привык к огням и уже не щурился, как прежде, будто бы совсем ничего не видя.

– Догадываюсь, почему вы пришли, – произнес я спокойно. – Тот ужин... Он беспокоит вас. Вы думаете, что я до сих пор разгневан, но это не так.

– Господин граф не собирается меня уволить?

Покачивая головой, я усмехнулся.

– Нет. Конечно, нет. Вы ничем того не заслужили.

Теперь, когда дело относительно её будущего прояснилось, служанке, наверное, следовало бы идти. Мне хотелось поскорее спровадить Жоржетту, чтобы переодеться и обдумать какое-то важное дело, которое застряло в голове, только я никак не мог о нем вспомнить: мысли ускользали прежде, чем обретали подлинную ясность.

– Извините, здесь так жарко, совсем нечем дышать. Да и одеяло...

Увы, несмотря на мой красноречивый намёк, девушка не сообразила, что ей пора удалиться. Погрузившись в собственные размышления, скорее всего, о работе – решил я – она проигнорировала мои однозначные жесты в сторону двери. Пришлось немного спустить невыносимо удушливую шкуру. Ткань прилипла к спине и отрывалась с трудом, как плащ Геркулеса, не желавший покидать своего хозяина до самой смерти. Наконец, вспомнив о чем-то, служанка взглянула на меня и слегка пошевелившись, ее смущенное лицо застыло в неподдельном изумлении.

– Что это?

Я не понял вопроса.

– У вас вот здесь. Какой крупный порез!

Мне пришлось напрячь мышцы шеи, чтобы оглядеть сзади плечо, насколько возможно, потому что уходить к зеркалу совсем не хотелось. Из-под края одеяла действительно выступал безобразный шрам, свежий и ярко-розовый, нанесенный чем-то острым, поскольку рва-

ных краев я не заметил. Линия тянулась дальше, сырое одеяло, наконец-то, упало, и я со всей внимательностью заглянул на свой бок, подняв руку над головой. Странно, но белая простынь, застеленная накануне, была практически чистой, если не считать пары неприметных пятнышек – словно рана зажила без моего ведома. Я даже не подозревал о ее существовании – не останавливал кровь, не обращался к врачу, не запачкал белья. Если бы не Жоржетта, я вообще не скоро обнаружил бы подобное безобразие.

Девушка сидела, повернувшись к двери. Я взялся за одеяло, чтобы вновь укутаться в него, но не смог: мне было слишком душно.

– Извините. Я не знаю, откуда он взялся.

– Вам нужно обработать рану.

– Ничего не нужно. Само пройдет.

– А если вы заболете? – служанка вновь посмотрела на мое плечо. – Господин Марсель говорил, что за вами необходимо ухаживать, беречь от яркого света, потому что... – она запнулась.

– Что?

– У вас слабое здоровье и совсем нет родных, кто позаботился бы о вас.

Я глубоко вздохнул.

– Марсель прав, как всегда. Мой престарелый отец умер в минувшем году, мне пришлось проехать пол-Европы, чтобы похоронить его в Валахии, как он того желал.

– Очень прискорбно, господин граф.

– Я совсем не знал его и рос вдалеке. Мы редко общались, были чужими.

Девушка глядела на меня, поминутно опуская глаза, я обернулся к ней и вновь принялся изучать черты ее лица, отбросив неприятные воспоминания. Эти бездушные венские графини, всегда одинаковые, в похожих кринолинах, с ничего не выражающими затуманенными глазами, вызывали во мне скуку и отвращение, в то время как Жоржетта представлялась существом из другого мира, гораздо ниже меня во всем, но я никогда не относился к слугам тем образом, что пытались мне внушить учителя в Майнце или замке. Я ценил и уважал своего камердинера, без опеки которого не протянул бы и недели, старался с должным вниманием присматриваться ко всем, кто окружал меня в особняке, и только в последние месяцы из-за резкого обострения болезни вел себя несколько отстраненно, рассеянно, полностью доверив Марселю распоряжаться своим персоналом. Впрочем, я знал, что он не обижает этих людей, не стремится унижить их, печется о здоровом климате в моем доме. «Здоровом климате» – забавное выражение. Учитывая, что хозяин сам дышит на ладан во время очередного приступа.

Жоржетта, заметив подобную кривую ухмылку, посчитала поводом для нее собственное поведение. Она отвернулась, вздохнув, но не покинула комнату. Я понял, что она вообще не собирается отсюда уходить, только что же ее держало? Загадка... Со стороны ситуация не представлялась приличной, а вернее – являлась неприличной до крайности. Несмотря на всё привитое воспитание и полученное образование, самые начатки моей морали были основоположены крестьянской семьей, и поэтому, наверное, я мог оказаться в совершенно невыносимом для аристократа положении, не ощущая при этом острой необходимости пустить себе пулю в лоб от стыда и бесчестья.

Служанка вновь обернулась, протянула руку и – не знаю, как такое могло случиться, – крепко обняла меня за голову, будто обиженного кем-то ребенка, прижала к своему платью, и мне захотелось спрятаться от жестокого, бессмысленного мира и всех несчастий, преследовавших меня на протяжении стольких лет, за ее хрупкой спиной. Я слышал удары чужого

сердца так близко, что начал успокаиваться от тревог, от страха перед болью и ночными безумными видениями, мне даже показалось на миг, что я плачу от умиротворения, внезапно подаренного мне судьбой, словно глоток холодного воздуха в изматывающие часы зноя, но этот ритм становился чаще, сбивчивее, отвлекая от безмятежной картины светлой радости, он мешал мне сосредоточиться, выводил из страны грез – единственной, где я мог обрести хоть какое-то счастье, похищал мое сказочное забвение, мой драгоценный покой, и я отпрянул, разочарованный и бессмысленно потревоженный.

Жоржетта по-прежнему обнимала меня, и от ее сочувствия больно сдавливало горло. Я хотел указать девушке на дверь, но она, поймав мою руку, прижалась к ней губами. Не знаю, какое помутнение рассудка руководило ею, зачем она делала это? Наверное, чтобы я тоже пожалел ее, утешил от бесконечных мирских тревог? Она села ко мне еще ближе, как тянутся к растопленному камину в ледяной зимний вечер, как я сам глубокой январской ночью, продрогший до костей, едва не залез в очаг занесенного снегом трактира, чтобы избавиться от судороги в мышцах и дикой усталости с дороги. Я вспомнил черный, застрявший на перевале экипаж, неподдельный ужас Хаймнера и молчаливое смирение отца Гектора.

На глазах у служанки выступили слезы. Я не выносил их, поэтому быстро смахнул капельки с ее лица, чтобы она перестала плакать, перестала мучить меня, и прикоснулся губами к теплой щеке. Шея служанки находилась в паре сантиметров от меня, и я изучал хорошо прорисованные вены и даже отчетливо слышал, как по ним бежит кровь, разгоняемая силой взволнованного сердца. Удивительно, насколько ясным оставалось мое сознание, как точно и внимательно я подмечал все детали, каким здоровым мог бы быть, если бы подобные минуты длились чаще. Ни боли, никаких жутких видений – лишь четкость, размеренность и пустота. Абсолютная пустота – предел моих мечтаний. Идеальная картина навеки застывшей гармонии. Жоржетта сдавила пальцами мою руку, я едва приподнял лицо, и она дотронулась губами до моего нахмуренного лба. Наверное, она запечатлела долгий поцелуй, мне так показалось. Вздохнув, я сел подальше от нее. Девушка прикрыла глаза, улыбнулась и безвольно опустила голову. Испугавшись, я поддержал служанку: она слабо качнулась в моих руках, подобно игрушке, лишенной твердых пальцев кукловода, после чего, стоило мне только убрать их, как ее тело бесшумно съехало на край одеяла и долго оставалось неподвижным, словно она крепко задремала. Но я понял, что это не сон. Жоржетта была мертва. Ее сердце больше не стучало в моих ушах. Наступил покой, которого я так желал. Вечный покой смерти.

Я сидел в оцепенении, потом резко встряхнул ее за плечи, прислонился к груди, пытливо вслушивался – нужно же сделать хоть что-то, верно? В одной газете я читал глупую статью из медицинской хроники о возможности вновь запустить остановившееся сердце, будто бы оно представляет собой ржавый механизм, который достаточно обильно смазать, чтобы он заработал, как прежде, – только сейчас мне не хотелось смеяться над умозаключениями докторов. Я решил ударить служанку в точности по описанному, но мои слабые попытки не возымели успеха. Да и как я мог поднять на кого-то кулак?

Время шло, светало, значит через час заработают люди на кухне, выйдет прачка. А у меня в спальне лежит бездыханное тело, и я в одних кальсонах расхаживаю по комнате, глотая слезы. Потерянный, беспомощный, охваченный страхом. За что мне такие испытания?..

В коридоре и на нижнем этаже стояла прежняя тишина. Ловя каждый порыв воздуха, я приоткрыл дверь. Убеждая себя в том, что Жоржетта просто спит, бережно подняв ее, весь мокрый от волнения я спустился по лестнице и оставил служанку на диване в гостиной, будто

утомленная делами, присев на минуту, она случайно попала в объятия Морфея. Я сложил ей руки на коленях, и она действительно выглядела столь естественно, словно вот-вот очнется. Радостная улыбка так и застыла на ее губах, так и закаменеет теперь навсегда. Неслышно я вернулся к себе, сдерживая рыдания. Как мне было жаль эту юную угасшую жизнь! И хотя я понимал, что моей вины в столь внезапной смерти нет, что произошло роковое стечение обстоятельств, совесть слишком терзала душу. Зашторив наглухо окно, я упал на постель, стараясь отодвинуться от того края, где еще недавно молчала Жоржетта, и провалился в бесконечную темноту. Черные лапы бездны сковали мой разум.

Чересчур быстро и подозрительно рано меня растолкал камердинер. Он никогда не обходился со мной подобным образом, поэтому я сразу смекнул, что в доме случилось нечто чрезвычайное. Дневное светило приближалось к закату. Почувствовав его, я быстро кинулся на пол и забрался под кровать, почему-то очень испугавшись, что уже не источавшие никакого жара лучи достигнут меня и ослепят в один миг.

– Дорогой мой граф, ну, что же с вами? – Марсель опустился на четвереньки и встретился со мной взглядом. – Солнце же почти село.

Я прятался в надежном убежище и все равно робел от страха. Мужчина несколько раз извинился за то, что потревожил мой отдых, вновь отметил нечто про утренние сумерки и привычный режим бодрствования, а после тихо упомянул о произошедшем сегодня несчастье. Я уже догадался, какую новость сообщит мне слуга, но не перебивал его.

– Мы, разумеется, тот час послали за врачом. Он установил, что наша милая Жоржетта... скончалась.

Глубокий вздох скорби наполнил помещение.

– От чего?

– Слабое сердце, – хрипло молвил управляющий. – Да. Так и сказал: слабое сердце. Кто бы мог подумать!

– Ужасно... – я закрыл лицо руками. – Бедняжка.

– Совсем недавно она говорила, что вы, должно быть, решили уволить ее. И еще добавила, что за несколько недель хозяин сильно переменялся. Я пояснил ей: виной тому – ваш недуг. И вы известны мне совсем иным человеком. Добрым и... Мечтательным юношей, какой жил в отцовском замке.

– Я умираю, Марсель. Вот и причина. Нет уже прежнего мальчика, нет и молодого наследника владений Радиша. Какой из меня граф? Я померкнувшая тень, которая вот-вот исчезнет. И влачу свой век только оттого, что в мире Богом оставлена ночь. Без темноты меня не существует.

Камердинер слишком горевал, чтобы полностью осознать мою речь.

– Ох, столько трагических событий, одно за другим! Жоржетта-Жоржетта, как же так?

Он вышел, сокрушенный болью. Я вылез из-под кровати, ползком добрался до комода в углу и порылся в нем, ища нижнее белье. Потом умылся остатками воды из кувшина, забившись к самой темной стене, небрежно оделся, подождал полчаса и, когда солнце почти совсем скрылось, велел принести мне костюм. Прежний я так и не смог найти.

Необходимо было поскорее встретиться с Эрнестом, всё ему рассказать. О той беседе на террасе, из которой я не вынес никакого смысла, глупо полетевшей в меня перчатке, и что стряслось после – чудовищном обострении хронической болезни, потери памяти и понимания времени, долгом лихорадочном бдении в спальне, волею рокового случая совпавшим с внезапной кончиной верной служанки... Я не хотел пропускать дуэль, готов поклясться, однако все сложилось против моей воли. Нужно обязательно остановить шквал презрения, который

сейчас накрывал общество. Нельзя, чтобы имя покойного отца, которое я теперь недостойно ношу, смешивали с грязью. Да, вероятно, молодой граф – большой трус, но я явился бы туда к прошлой полуночи, даю слово, явился бы!

Эрнест проводил время с сестрой, о которой заботился после смерти их родителей. Она уже подросла и была довольно умна, только он не торопился выпускать ее в свет, оберегая от монстров вроде Розы или Элоизы и их обожателей. Я стоял внизу и нетерпеливо стучал ногтями по крышке рояля.

– Радиш! – воскликнул юноша и горячо пожал мне руку. – Вас вчера не было на салоне у госпожи Кайстинг, а сколько событий успело разыграться за пару часов, не представляете!

Я перебил его, торопливо извиняясь, и начал излагать важные вещи. Услышав имя Элоизы, хозяин дома страшно побледнел. Мне пришлось замолчать, хоть я и собирался говорить дальше вопреки любым обстоятельствам.

– У графини... У нее... Чудовищное горе, – буквально выдавил Эрнест дрожащими губами.

– Горе? – переспросил я.

– Разве вы не знаете? Из-за этого сегодня и нет привычного веселья. Мы не смогли... И отменили все.

Я нахмурился. Смутная тревога зашевелилась в душе.

– Вчера... Уже когда стемнело... – юноша переводил дух, словно мысли давались ему с огромным трудом, – что-то... Прокляло наш славный город.

Я вздрогнул.

– Трое мужчин из высших кругов... Вы не знаете их... Отправились на прогулку к развалинам особняка Мееров. Я не удивлюсь, если они хотели провести там дуэль. Место известно как глухое и весьма подходящее для таких целей. Я и сам бывал там, но все обошлось, к счастью. Мне нельзя оставить сестру, вы понимаете...

Стекло глазами я смотрел на Эрнеста. Передо мной выросла белая стена возле леса, на которую я ловко забрался.

– А те трое несчастных, о, Господи!.. Выясняли нечто между собой. Не услышали, не поняли. Не обратили внимания. На них напали дикие чудовищные создания... Волки! Говорят, это ужасно. Я не вынес бы увидеть подобное. Будь на месте Элоизы.

– В... Волки? – прошептал я, бледный и теряющий сознание от ужаса.

– Да. Конечно, волки. Будь они прокляты! Мужчин растерзали... Вся одежда пропиталась кровью, вся земля вокруг. Кошмарная ситуация, ужасный случай...

Я провалился в небытие. Или нет? Мой разум не воспринимал услышанного.

– Один из них, – продолжал Эрнест, тяжело дыша, – молодой барон по имени Карл, был очень близок с Элоизой. Но их брак не мог состояться, хотя они и любили друг друга. Вы должны... Простить меня, граф. Знаете... – юноша посмотрел в мои глаза. – Роза намекнула мне, что... Ее подруге следует отдохнуть от внимания со стороны несчастного барона. И поэтому я решил, что вам стоит пригласить ее на танец.

– А после? Вам известно, что стряслось после этого? – прошептал я, не расслышав его извинений. – Там, на террасе?

Эрнест внимательно сощурился и покачал головой, судорожно делая глоток вина из большого фужера. Мой бокал оставался не тронутым. Я тяжело выдохнул и откинулся на диване.

– Вы намекаете, что на террасе произошла некая ссора? – смекнул юноша.

– Да нет, – соврал я тут же. – Просто видел фигуры.

– Должно быть, Карл повздорил с кем-то на балу. Его бешеный нрав слишком хорошо известен в Вене, хотя тягаться с ним вряд ли кто-то рискнул бы. Барон здоров, силен. К тому же, его сопровождали верные товарищи – и все погибли. Глупо и ужасно! Проклятые серые черти!

Эрнест в сердцах хлопнул рукой о диван.

– А что... Элоиза? – едва спросил я.

– Элоиза, эх! Она, мой друг... Говорят, сошла с ума.

Больше я ничего не запомнил, не хотел запоминать. Всю обратную дорогу я рыдал, мучительно убивался, заглушая стук копыт о темные холодные камни и морозящий дождь.

Мы уже почти поравнялись с моим особняком, как вдруг я велел извозчику немедленно доставить меня к начальнику полиции. Через четверть часа я сидел перед грузным, хорошо одетым мужчиной лет пятидесяти, с роскошными усами, добродушно рассматривавшим меня в своей гостиной.

– Хм, так вы утверждаете, граф, что минувшей злосчастной ночью именно вы, а не дикие звери, стали причиной смерти господина Карла и его спутников. Так?

– Да. Я убил их, – дрогнувший голос застыл посреди комнаты.

– Хорошо, гм. Пусть будет по-вашему. Я выслушал данное признание. Вы явились сами, раскаиваетесь в содеянном, испытываете муки совести, как всякий добропорядочный человек, ступивший на грязный путь против своей воли... – полицейский пробубнил заученный текст, который звучал из его уст ежедневно, и безо всякого интереса попросил перечислить, какая одежда была на жертвах в момент убийства, как выглядело место преступления, сохранились ли особые детали в моей памяти.

Я силился озвучить хоть что-нибудь дельное, но кроме белой стены, мокрой лужайки и трясущихся фигур на фоне леса в лучах полной луны, назвать нечто конкретное не сумел. Что касается кинжалов, мужчина, погладив пышные усы, заметил: в городе об этом ходит немало слухов и, если уж я не предъявляю необходимых для следствия фактов, то о каком аресте может идти речь?

Мне хотелось убедить его в своей правоте, я настаивал, ругался, кричал... Даже угрожал! Полицейский, не теряя терпения, поинтересовался, есть ли у меня свидетели нашей с бароном схватки. Кто готов подтвердить, что ночью я и впрямь посетил то место у развалин особняка Мееров, и что Карл вызвал на дуэль именно Радиша, а не кого-то иного? Не задумываясь, я назвал имя Элоизы.

– Увы, на ее показания рассчитывать нельзя, – отрезал хозяин дома. – Следствие их принять не может. Помимо графини найдутся другие люди?

Я покачал головой. Бесплезно! Он не поверил мне.

– Граф, успокойтесь. Такая страшная трагедия потрясла нас всех. Я не спорю. Стая волков способна подкараулить пьяницу, уснувшего на кладбище за городом, или ребенка, неосторожно играющего во дворе. Они сейчас уже не так смелы, нежели чем во времена моей молодости. Крестьяне совершают облавы, а Вена слишком шумна и опасна для них. Роковое стечение глупых обстоятельств! Вы чувствуете вину, конечно, однако, разве ее не чувствую я? Или остальные? Мы все виноваты в этом. Но истина такова, что на самом деле тут не виновен никто. Даже если... Даже если бы вы и дрались там с господином Карлом на кинжалах, что не пожелает принять за истину ни один здравомыслящий человек, глядя на вас, то неужели, скажите мне на милость, вы остались бы целы и невредимы? Что, никаких ран? Синяков, порезов, переломов?

Я просял в бескрайнем море безысходности. Шрам! Вот вам и подлинный факт! Грузный начальник с любопытством заглянул мне на спину под рубашку.

– В другой раз, должен признаться, – он по-отечески похлопал мое плечо и взял за руку, – не отнимайте у полиции столько времени зря. Прошу. Я понимаю вас, но и вы поймите меня:

множество преступлений остаются нераскрытыми, а нельзя, чтобы вопиющая несправедливость вошла в правило! Вена – достойный город. Уважайте ее, Радиш.

В отчаянии я вернулся домой и впал в беспамятство на несколько дней.

Из гостиной доносились тихие голоса. Я оперся рукой о стену и прислушался: Эрнест рассказывал Марселю о первом мероприятии, которое прошло у некоего аристократа после похорон барона и его друзей. Покачнувшись, я стал спускаться с лестницы. Камердинер заметил меня, подбежал и помог добраться до дивана. Я чувствовал себя хорошо, несравненно лучше, чем в периоды обострений, но внутри дико ныла и страдала моя исковерканная душа. Я убийца! Жестокий, не знающий пощады зверь!

Эрнест сел рядом со мной.

– Радиш, вам плохо? – участливо спросил он, готовый поддержать меня, если я вдруг решу свалиться, подкошенный внезапной слабостью.

– Нет. Просто...

Что следовало за этим «просто», я не знал.

– Мне кажется, вам лучше покинуть Вену. Лето выдалось слишком жарким. На природе всем становится легче. Моя мать лечилась тем, что жила вдали от города. И общества.

Голос Эрнеста успокаивал колотившийся внутри ужас. Я попросил его продолжить мысль.

– У нас есть поместье недалеко от Брунна, к востоку отсюда. Я буду рад, если вы, Марсель и другие ваши люди погостят в просторном доме, утопающем в цветах, которые разводила моя матушка. И теперь ими занимаются надежные слуги, чтобы сохранить память о прошлом живой и благоухающей. Вы пообщаетесь с моей сестрой... Что скажете, граф?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.